Профессор Ф. В. БАЛЛОД.

СТАРЫЙ И НОВЫЙ САРАЙ, столицы Золотой Орды.

Издание Комбината Издательства и Печати в Казани.
1923 г.

Профессор В. Ф. БАЛЛОД.

СТАРЫЙ и НОВЫЙ САРАЙ, столицы Золотой Орды.

Результаты археологических работ летом 1922 года.

КАЗАНЬ 1923

Наблюдение за художественной и технической стороной издания выполнено П. М. Дульским.

Типография имени Н. Александрова.

Главлит № 643. Заказ № 112. Тираж 1000 экз.

ГЛАВА I.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ.

„Три века с половиною прошло лишь с тех пор, как меч и политика... Иоанна III нанесли последний удар существованию... Зол. Орды..., а мы в настоящее время, как ни бьемся, не можем уже собрать о бывших властителях Руси никаких удовлетворительных сведений... А о столице Золотой Орды, о знаменитом Сарае, мы не знаем даже наверное, к каким бы развалинам могли приурочить это громкое имя", так писал в 1854 году В. В. Григорьев [1]).

Прошли три четверти века, и едва ли мы знаем больше о Золотой Орде, чем знал Григовьев; работы его и других исследователей средины 19 века по прежнему являются настольными книгами для работающих по изучению Золотой Орды; а раскопки полковника Терещенко в районе г. Царева [2]) только нагромоздили материал, который должен быть расшифрован. Раскопки Рыбушкина, Спицына и других в с. Селитренном прошли почти вовсе бесследно [3]). Вопрос о том, являются ли Царевские и Селитренские развалины „Сарайскими", существовала ли одна столица „Сарай", или мы имеем дело с двумя городами „Новым" и „Старым Сараем", был подвинут лишь относительно. Нерасшифрованы существенные моменты истории З. Орды и ее культуры, споры по топографии З. Орды продолжаются, хотя Терещенко

---

[1]) „О местоположении столицы Золотой Орды, Сарая". СПБ. 1845, оттиск из Ж. М. В. Д., стр. 1—2.

[2]) „Окончательное исследование местности Сарая с очерком следов Дешт-Кипчакского Царства". Уч. Зап. Имп. Акад. Наук по I и III, т. II, СПБ. 1854.

[3]) Ж. М. В. Д., 1837, ч. XXIII, стр. 132.

„местность Сарая была подвергаема раскопке во всех возможных направлениях: не только окрестности бывшей столицы“, сообщает он [1],—„но решительно все средоточие его и магометанское кладбище, не остались без расследования“. Вопрос о Гюлистане и Новом Гюлистане еще недавно [2]) вызывал горячие споры среди востоковедов (В. К. Трутовский и Н. В. Веселовский) и вопрос этот остался так же открытым, как и после решения Григорьева: „С большею уверенностью, пригородом Сарая, или отдельным дворцом невдалеке от него, или даже небольшим городком, в некотором от него отдалении следует почесть Гюлистан“ [3]), или „Новый Гюлистан может быть новый загородный дворец и совсем в противоположной стороне от того места, где стоял первенец этого имени...“ [4]).

Еще требуется много добросовестной работы на местах, должны быть отысканы подземные архивы в виде остатков городских строений, чтобы прояснился туман, который поныне окутывает вопросы, касающиеся Золотой Орды.

В настоящем очерке мне хотелось бы поделиться теми соображениями, которые у меня появились после изучения материала печатного и археологического в связи с экспедициями, организованными мною в 1922 году в районы гор. Царева и села Селитренного.

Григорьев, критикуя своих предшественников по изучению Золотой Орды, доказывает, что „кроме Сарая, столицы Золото-Ордынского Ханства, не было в том же Ханстве никакого другого города этого имени (за исключением Багче-Сарая в Крыму)“, что „Новый Сарай находился там же в Царевых-Падах и был, вероятно, не пригородом Старого Сарая, а дворцом внутри или в предместьях его“. Так или

---

1) Терещенко, стр. 89.

2) Зап. В. Отд. И. Р. Арх. О-ва, т. XXI, в. II—IV, стр. 58—„Загадочный Гюлистан З. Орды“.

3) Григорьев, стр. 25.

4) Григорьев, стр. 26.

почти так думали и Френ [1]) и Гаммер [2]); только едва ли правильно мнение Френа, что доказательство в пользу отождествления древней столицы с Царевскими развалинами можно почерпнуть у Ибн-Арабшаха, и мнение Гаммера, если оно так понимаемо, что это развалины близ с. Селитренного. Мне кажется, что более прав был Саблуков [3]), устанавливая существование двух столиц: более древней—Старого Сарая, развалины которой сохранились вокруг села Селитренного, и более новой—Нового Сарая, развалины которого были обследованы Терещенко в Цареве.

Мысль Саблукова не оригинальна, она лишь развивает идеи Мюллера [4]). Небезинтересно, что она была подхвачена теми из современных археологов, которые изучали развалины Царева и села Селитренного на месте [5]).

На самом деле, в 1254 году был в Сарае Рубрук [6]), который называет город—„новопостроенным". Позднее, в 1251 году, Сарай очевидно считается первенствующим золотоордынским центром: здесь митрополит Кирилл учреждает отдельную русскую епархию [7]). Основан Сарай Батыем „недавно", как говорит Абульфеда [8]); это—„город великий, столица государства Татарского"... „лежит к северо-западу от моря Хазарского, которое находится от него в расстоя-

---

[1]) „Монеты ханов Ул. Дж.", стр. 44, но см. Френ, „Монгольский город Укек", перев. Гераклитова, Ставрополь, 1911: „города:... Сарай на Ахтубе"..., „Новый Сарай, доселе известный лишь по нумизматическим памятникам".

[2]) „Geschichte der Goldenen Horde", стр. 9.

[3]) „Очерк внутреннего состояния Кипчакского Царства", 1845, стр. 18 и 27.

[4]) „Der Ugrische Volksstamm", I, II, 1839, стр. 577.

[5]) Напр. Спицыным, Отчет за 1893 г., стр. 82 и 85.

[6]) „Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука в лето благодати 1253" (перев. Малеина, СПБ. 1911), стр. 99.

[7]) Ник. летопись, III, 41, сравн. Григорьев, Местоположение, стр. 8.

[8]) Григорьев, Местополож., стр. 62, Geographie d'Aboulfeda, Paris, 1840, стр. 217.

нии около двух дней пути к юго-востоку; река Итиль протекает подле города...; Сарай расположен на берегу Итиля с северо-восточной стороны; это один из больших транзитных пунктов". Доводы Григорьева [1]) в пользу мысли, что Сарай был основан Батыем между 1242 г. и 1254 г., т. е. после возвращения из Венгерского похода, когда Орда водворилась в низовьях Волги, и до путешествия Рубрука,—достаточно убедительны, на них останавливаться я не стану; Гаммер, относя основание Сарая к последним годам жизни Батыя, к 1256 г., явно ошибается [2]). Первая битая в Сарае монета относится к 1266 году [3]).

Берке „оказывал покровительство науке и ученым"; при нем, по Ибн-Арабшаху [4]),—„Сарай сделался сосредоточием науки и рудником благодатей, и в короткое время в нем набралась добрая и здоровая доля ученых и знаменитостей, словесников и искусников". Таким образом Саблуков [5]), видимо, прав, утверждая, что Берке, покровительствуя „искусствам, украшал столицу зданиями..." Погиб этот построенный Батыем и расширенный Берке Сарай, вместе с другими золотоордынскими городами, когда в 1395 году—по словам Шериф-Эддина,—Тамерлан по взятии Астрахани „ двинулся к Сараю, зажег его, обратил в пепел" [6]).

Хочется верить, что развалины села Селитренного хранят единственный ответ на вопрос, где находился Батыев Сарай; во всяком случае не протеворечат этому предположению слова Абульфеды о „двух днях пути от моря Хазарского", ибо расстояние от Астрахани до села Селитренного действительно соответствует им. Если это так, то возможно,

---

[1]) Местоположение, стр. 9.

[2]) Geschichte der G. Horde, стр. 141.

[3]) Находилась в коллекции бывшей кн. Л. Л. Голицына.

[4]) Тизенгаузен, Материалы, стр. 461.

[5]) Очерки врутреннего состояния, стр. 32.

[6]) Histoire de Timour-Bec, trad. par Petis de la Croix, II, стр. 381, ср. Григорьев, Местоположение, Азия и Европа, стр. 275, отд. оттиск, стр. 27.

Сарай с. Селитренного не был вовсе брошен населением после разрушений Тамерлана, ибо Казанская летопись повествует о разграблении „Юрта Батыева" князем Василием Ноздреватым при Иоанне III. И повидимому о Сарае села Селитренного говорит также Никоновская летопись [1]): „Большая Орда им (Иоанном III) порушилась, и почали Цари Ордынские жить в Асторохани, а Большая Орда опустела, а место ее области близ Асторохани два днища по Волге вверх, именуется Сараи Большие". В таком случае, Сарай села Селитренного в последние годы существования Золотой Орды вновь стал играть более видную роль. Во всяком случае „Сараи Большие" предрешают существование каких-то других „Сараев"—„малых", „старых", „новых" или других.

„Старинный Селитренный городок", говорит Паллас [2]), —„стоит на средине цепи холмов, на десять верст простирающейся, на коем вдоль по Ахтубе, в ширину на версту или на две, ничего не видно, кроме щебня и следов от зданий или кирпичем выкладенных рвов... Но корыстолюбие черни, давно уже преобразило достопамятные остатки древности в груды каменья. Доселе целые суда нагружали кирпичем и перевозили в Астрахань"... [3]) Эти слова Палласа вполне совпадают с данными рукописного описания Астрахани [4]): „Апреля в 10 день 1631 г., в царствование Михаила Феодоровича, при воеводах: Салтыкове и Житове, при дьяках Смывалове и Трофимовиче, застроена Астрахань каменной, князем Оболенским, Хохловым да дьяком Патрикеевым; велено кирпич брать на Ахтубе, и Ханскую мечеть и дом ханский сломать, чтобы было на построение довольно, как белого камня, так и железа от Ахтубы".

---

[1]) VII, 210, сравн. Григорьев, Местоположение стр. 31.

[2]) „Путешествие по разным провинциям Росс. Государства", СПБ, ч. III. II, стр. 143, перев. Зуева.

[3]) Сравн. также Карамзин, И. Г. Р, Прим. к IV тому, стр. 15, № 72.

[4]) Минх, Ист.-геогр. словарь, стр. 1340.

И вот мимо этого города [1]), ныне превращенного в „груды каменья“, плыл тот купец Абульфеды, согласно рассказа которого: „встретили в море лес камышей, но кормчий наш знал в нем дорогу; пробравшись сквозь камыши, выехали на реку, одну из тех, на которые разветвляется Итиль, и плыли ею до местечка, называемого Эски-Юрт, что значит по арабски Старое Селище, а от местечка этого опять пустились в путь по Итилю, и ехали, пока не приехали к Сараю“ [2]). Итак, когда писал Абульфеда, т. е. в двадцатых годах XIV века, уже была основана новая столица „Новый Сарай“, а Старое Селище („Старый Сарай“) стало превращаться в провинциальный город, где—за отсутствием двора—купцы полагали, что не стоит долго останавливаться и показывать свои товары. Ибн-Арабшах (1389—1450), побывавший лично в городах Золотой Орды, повествует, что „между построением Сарая и разрушением тамошних мест (прошло) 63 г.“ [3]), т. е. относит основание Сарая приблизительно ко времени около 1330 года (1395—63=1332) Другими словами, согласно данным Абульфеды, в ханствование Узбека (1312-1340) существовала новая столица („Новый“ Сарай), заменившая „Старое Селище“ и расположенная севернее Эски-Юрта, т. е. Батыева Сарая; и в дополнение к сему, сведения Ибн-Арабшаха гласят, что новая столица, „Сарай“, была построена Узбеком. Используя цыфровые данные, приходится притти к заключению, что Новый Сарай был построен между 1320 (Абульфеда) и 1332 годами (Ибн-Арабшах). Во всяком случае Узбек скончался в Новом Сарае [4]). Такой датировке основания Нового Сарая в царствование Узбека лишь противо-

---

1) Сравн также: Григорьев, Местоположение, стр. 62: „Мы согласны, что по Рубруку Сарай мог находиться на Джигите“, т. е. в Селитренном.

2) Григорьев, Местоположение, стр. 65—Geographie d'Aboulfeda, стр. 217.

3) Тизенгаузен, Материалы, стр. 466.

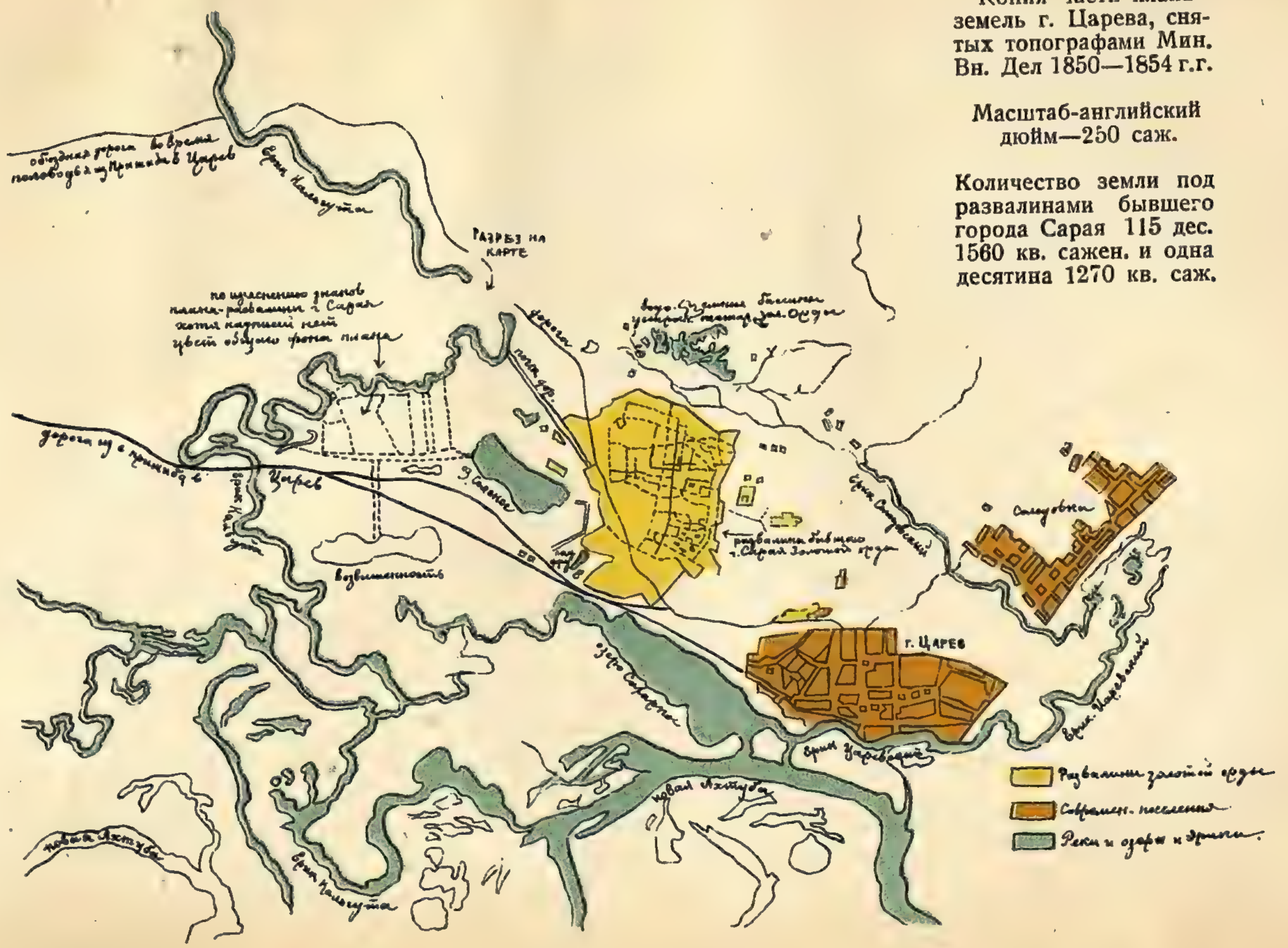
4) Биография Эльмелик-Эннасыра, Тизенгаузен, Материалы, стр. 263.

Таб. № 1.

Копия части плана земель г. Царева, снятых топографами Мин. Вн. Дел 1850—1854 г.г.

Масштаб-английский дюйм—250 саж.

Количество земли под развалинами бывшего города Сарая 115 дес. 1560 кв. сажен. и одна десятина 1270 кв. саж.

речили бы те сведения Григорьева, согласно которым древнейщая битая в „Новом Сарае“ монета относится ко времени Токтогу [1]), к 710 году (=1310-11); но может быть, противоречие можно было бы понимать так, что Новый Сарай, существовавший и ранее, как населенное место, и имевший со времени Токтогу свой монетный двор,—с 20 годов XIV века, т. е. со времени Узбека, стал столицею Золотой Орды. В пользу такого толкования говорили бы данные Эль-Омари, что Сарай построен Берке-ханом [2]), если конечно, у Эль-Омари, а равно Ибн-Арабшаха, [3]) не переплетаются и не спутываются сведения о „Новой“ и „Старой“ столицах. На вопрос, где должно отыскивать эту вторую столицу, „Новый Сарай“, возможно найти ответ в книге Большого Чертежа [4]): „А по реке по Ахтубе, на 90 верст от Царицына,—Золотая Орда, мечети татарские каменные...“; сведения Ибн-Батуты о 10 днях пути от Укека до Сарая едва ли могут считаться более ценным указанием.

„Сарай лежит на берегу реки, отделяющейся от Итиля“,—рассказывает Ибн-Арабшах. Действительно, на берегу Ахтубы, приблизительно в 90 верстах речного пути, вокруг города Царева (см. табл. 1), лежат одни из наиболее крупных известных нам развалин золотоордынского города, не один раз описанные путешественниками; развалины лучше всего обрисованы Леопольдовым [5]):, „Начинаясь подле Безродного (или Верхнеахтубинского)“ говорит он,—„тянутся развалины верст на 70 по самому гребню сырта до села Пришиба... Развалины сии то часты, то редки, то велики и обширны,

---

[1]) Григорьев, местопол., оттиск, стр. 20, Азия и Европа стр. 271.

[2]) Тизенгаузен, Материалы, стр. 241.

[3]) Тизенгаузен, стр. 461: (Берке хан) „оказывал покровительство науке и ученым... Сарай сделался средоточием науки“...и Сарай „один из величайших городов по положению своему и населеннейших по количеству народа ...“

[4]) Стр. 159, сравн. Григорьев, Местопол., стр. 76.

[5]) Материалы для статистики Росс. Империи 1839, I, стр. 97, Ж. М. В. Д, 1837, ч. XXIII, стр. 123; сравн. Григорьев, Местоположение, стр. 51.

то малы и незначительны... Далее, от села Пришиба, через город Царев, почти до деревни Колобовщины, видны на 15 верст развалины почти сплошные и большею частью огромные. Это остатки бывшего города. Место здесь представляет довольно возвышенную долину, которую перерезывают 4 речки: Ерики Тутовый и Раковый, Кальгута и Царевка... С востока осеняет долину довольно крутой и высокий сырт. Бугры обрушенных зданий разбросаны везде, по самому сырту, по предгориям и у подошв его... Трудно заметить правильность в расположении некогда существовавших здесь улиц; однако она обнаруживается некоторым образом против Сахарного Озера, и там где стоит нынешний город Царев. Чаща строений тянется по Кальгуте к сырту; к селению Пришибу развалины становятся реже, дворцы и сады просторнее. Развалины по речке Кальгуте сплошны и обширны. Посредством проведенных из нея каналов поливались сады и наполнялись бассейны“...—„Один из величайших городов по положению своему и населеннейший по количеству народа“—разве не соответствуют эти слова Ибн-Арабшаха [1]) описанию Леопольдова? Ибн-Батута, совершивший свое путешествие по Востоку с 1324 по 1353 год и посетивший Золотую Орду при Узбеке в 1333 году, разумеется, описывает именно громадный Царевский Сарай, сообщая, что „город Сарай из красивейших городов, достигших чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами... В нем 13 мечетей для соборной службы“ [2]). „Сарай—город великий, заключающий в себе рынки, бани и заведения благочестия, место, куда направляются товары... посредине его пруд, вода которого из этой реки (Итиля)“, говорит Эль-Омари [3]).

„Один из величайших городов, с 13 соборными мечетями, расположенный на ровной земле“, „посредине его пруд, вода

---

[1]) Тизенгаузен, стр. 461.
[2]) Тизенгаузен, стр. 241.
[3]) Тизенгаузен, стр. 306.

которого из этой реки": это все слова, которые не противоречат описанию Леопольдова. Царевские развалины действительно расположены на ровной долине у подножия степного сырта; они громадны, достигают площади не менее 48 квадратных верст; посредине их Сахарное озеро (а также Солончатое), вода которого из Ахтубы.

Развалины села Селитренного, как говорит Спицын: „раскинулись на 8 холмах", хотя также „на расстоянии свыше 12 верст". Старый Сарай, как видно из цитированных слов [1]), не соответствует картине столицы Узбека, нарисованной арабскими авторами. И, может быть, повторное доказательство в пользу существования двух Сараев, „Нового" и „Старого селища", возможно почерпнуть у того же Эль-Омари, который называет Сарай—„городом великим", а в другом месте повествует: „Столица тамошнего царя—Сарай; это небольшой город между песками и рекою [2]). Пребывающий там теперь султан его, Узбекхан, построил в нем медресе для науки, потому, что он очень предан науке и людям ее". При Узбеке были две столицы на Ахтубе, первую из которых Узбек чтит, как город Батыя, древний центр Золотой Орды, который однако он потом заменяет „Новым Сараем", получившим при преемнике его Джанибеке еще большее развитие, если верить нумизматическому материалу [3]).

В районе села Селитренного копали Рыбушкин [4]) и А. А. Спицын [5]); Царевские развалины Нового Сарая были обследованы, как уже говорилось, полков. Терещенко. Терещенко же удалось обнаружить следы последней борьбы за власть, борьбы между Тохтамышем и Тамерланом, которая завершилась разрушением также и Нового Сарая; Терещенко нашел среди развалин: „один остов без рук, а ноги поперек туловища... другой без черепа, все кости, за исклю-

---

[1]) Отчет 1893 г., стр. 82.

[2]) Тизенгаузен, стр. 229.

[3]) Сравн. Fraehn, Münzen, стр. 11—13.

[4]) Ж. М. В. Д., 1837 г., XXIII, стр. 132.

[5]) Отчет 1893, стр. 85.

чением рук, как бы изрублены в мелкие куски... вдали от них несколько других остатков, иные без черепов, другие без рук и ног"... [1]). Так действовала безжалостная рука победителя, „обратившего Сарай в пепел", „погнавшего жителей перед собою, как стадо баранов"...

После Тамерлана Сарай влачил жалкое существование; в последний раз имя „Нового Сарая" чеканится на монетах хана Довлет-Бирди, в первой половине XV века [2]). Но все же город продолжает существовать и после Довлет-Бирди, как подобное было отмечено и для Старого Сарая: тому свидетели набег 1472 года [3]) и найденные полков. Терещенко монеты.

Итак, в 110 верстах от Астрахани находился Старый Сарай, первый золотоордынский Центр в низовьях Поволжья,—„Старое селище", основанное Батыем, позднее, возможно, вновь столица Орды, именовавшаяся „Большими Сараями"; в 350 верстах от Астрахани возник, вероятно, при Берке и стал столицею при Узбеке—Новый Сарай, „величайший из городов Золотой Орды", о котором столь красноречиво говорят монеты, найденные Терещенко, преимущественно битые именно здесь, в Новом Сарае.

Отчеты о раскопках Терещенко, к сожалению, опубликованы в виде крайне краткого, почти схематического перечисления обнаруженных строений и найденных памятников; поэтому они лишь немного дополняют в отношении топографии описание царевских развалин Леопольдовым. Раскопки в районе села Селитренного вообще были лишь незначительных размеров.

Это обстоятельство и побудило меня организовать две экспедиции: в район города Царева и в район села Селитренного (о них будет речь в дельнейшем), чтобы вопросы

---

[1]) Стр. 94.

[2]) Fraehn, Münzen, стр. 44; монеты „Сарая" впоследние при Мухаммеде, около половины XV века.

[3]) Карамзин, И. Г. Р., т. VI, стр. 53, пр. 76, сравн. Григорьев, стр. 29.

о золотоордынских столицах, после проверки на месте, можно было решить, наконец, если не окончательно, то во всяком случае более верно. Здесь считаю долгом принести глубокую благодарность Татнаркомпросу, ассигновавшему средства и вообще содействовавшему мне в моей работе.

ГЛАВА II.

РАЗВАЛИНЫ НОВОГО САРАЯ.

10 июня 1922 года я выехал в Царев, через Царицын, вместе с Б. В. Зайковским и инженером А. И. Горшениным; 21 июня мы закончили работы в Цареве и 22 июня 1922 г. уехали оттуда обратно в Саратов, куда приехали 24 июня 1922 года.

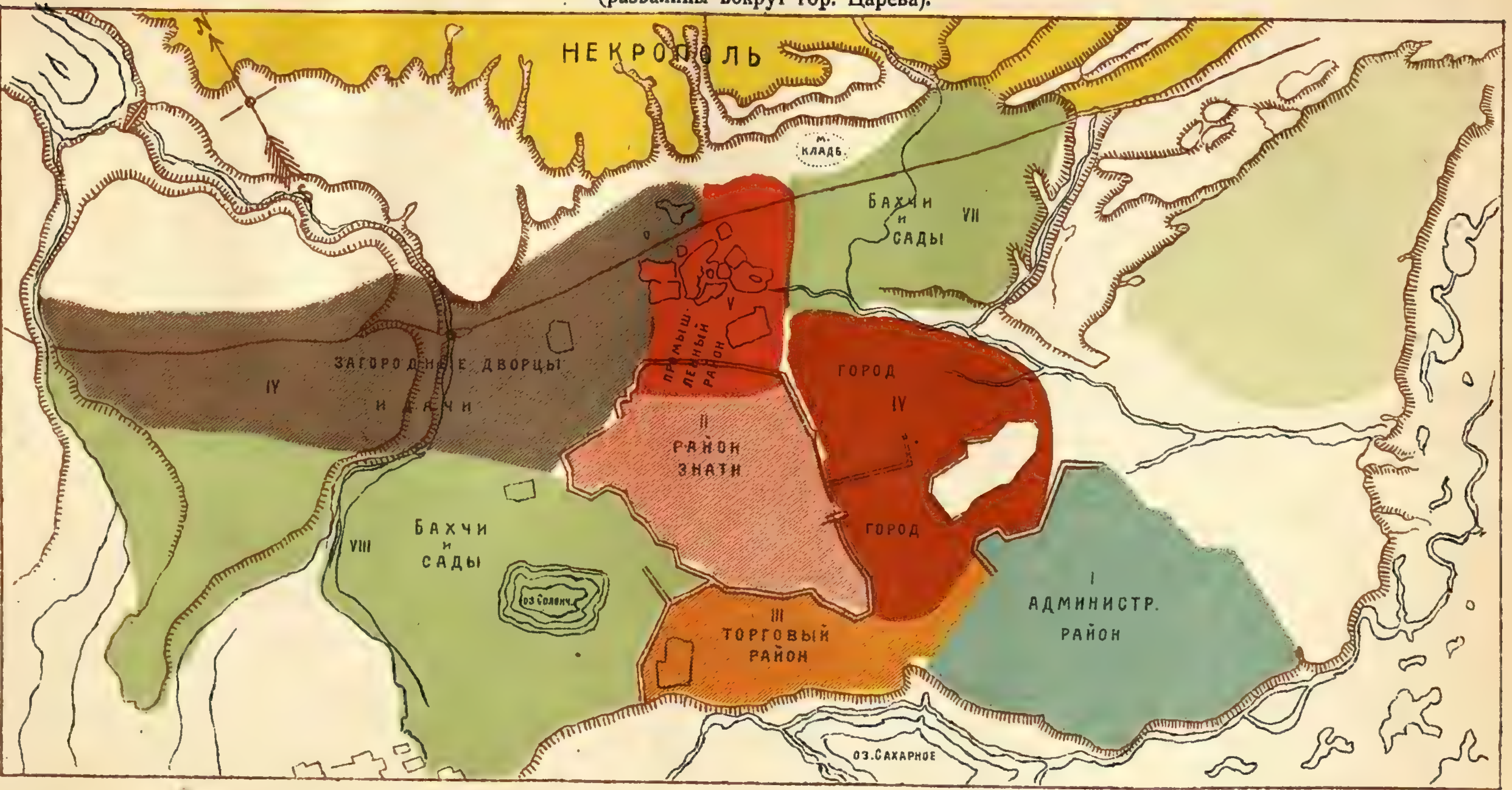
При содействии А. Х. Абубекерова и Р. М. Кайбелова, на средства частью мои личные, частью ассигнованные Царевским Волисполкомом были приглашены рабочие, татары, в течение двух дней помогавшие нам в наших археологических изысканиях.

Развалины золотоордынского города под Царевом и вокруг него занимают площадь до 12 верст длины от Маляевки до Царева (включительно) и не менее 4 верст ширины от Ахтубы и ее рукавов до высокого степного сырта к востоку от ахтубинской долины, на котором сохранился некрополь. Площадь, в общем совершенно ровную, прорезают несколько речек, из которых Кальгута и Царевка являются наиболее значительными; несколько прудов и ныне значительно высохшее Сахарное озеро оживляют ландшафт, который можно было бы назвать степным, если бы не бугры, громадные ямы и канавы, которыми пестрит весь район от Маляевки до Царева. Местами определенно намечаются как бы следы древних улиц; почтовый тракт от Маляевки и почти до Кальгуты пролегает по такой прямолинейной и довольно широкой „улице“, бугры по обе стороны от которой представляют следы древних строений. Почти непосредственно за Кальгутой и не доезжая Царева бугров становится столь много и бугры эти столь неправильной формы и с зияющими

Таб. № 2.

Районы Нового Сарая

(развалины вокруг гор. Царева).

ранами в виде более или менее глубоких ям, что повидимому именно здесь приходится предполагать главные работы Терещенко и добычу кирпича ранее, да и ныне еще крестьянами и даже городом. В самом Цареве, на базарной площади, около „новой больницы“ и во дворе „новой гимназии“ построенных недавно уездным земством, лежат горы золотоордынского кирпича, частью поливного; фундаменты упомянутых зданий сложены из него же. В общем, всю площадь Царевских развалин можно разбить на отдельные районы, разные по содержанию и назначению (см. табл. 2).

РАЙОН II.

Район центральный (II) еще ныне сохранил следы окружного вала и канала, достигающие до 5900 арш. длины; район, имея грушевидную форму, напоминает почти треугольник с вершиною к югу. Ширина вала от 12 до 15 аршин; ширина канала от 15 до 18 аршин, глубина до 3 арш. Весь район разрезан 2 каналами на 3 части. Северную (меньшую) часть района отделяет от средней канал, более узкий и менее глубокий (около 2 аршин).

Значительно засыпан, вообще плохо сохранился канал, отделяющий наиболее южнуючасть всего района; но именно здесь возвышаются громадные бугры и заметны следы искусственных водоемов. Кажется, что на южном возвышенном мысу этой части района уцелели следы какого-то грандиозного строения из кирпича, некогда богато украшенного поливными кирпичами и мозаикой. Площадь 400×200 арш., повидимому, составляла одну усадьбу, в восточной части которой посредине двора возвышался дворец(?); ряд служб отделял эту парадную часть от сада; двор и сад имели водоемы. Дворец, расположенный осью с востока на запад, был не менее 60×40 аршин величины; два водоема—круглые, еще ныне глубины до 4 аршин и 15 аршин диаметром. В северной половине южной части района сохранился большой водоем, 75 арш.×24 арш., при глубине в 3½ аршина. Водоемы соединены друг с другом каналами, и каналом же обведена усадьба

предполагаемого дворца. Используя изданный Григорьевым план „Части местности Царевскогоуезда Саратовской губернии, где находятся развалины Золотой Орды, по левому берегу реки Ахтубы“ и изданный им же текст Терещенко „Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарая“ [1]), кажется, необходимо предположить, что именно об этом дворце трактует и Терещенко: он здесь „открыл внизу две комнаты с проведенными под ними трубами, которые направлялись к колодезю и большому водоему; вверху или во втором этаже очищена была одна комната, стены во всех них выложены местами мозаиком“. В 120 саженях от этого дворца Терещенко откопал „монетный двор“—„три комнаты, в которых были обнаружены слитки меди, обломки от разных орудий и разбитые формы, но более всего монеты числом до 2000“. Около этого здания Терещенко „откопал три канала в разных направлениях, имевшие сообщение как с ним, так и с окружавшими его большими водоемами“. Все это соответствует картине развалин в южной части II района, которая—это видно и из дальнейшего текста Терещенко—повидимому вся была занята строениями, имевшими отношение к ханскому двору: даже придворные сапожные мастерские с „кучею перепрелой юфти и подошвы“ и портновские мастерские с „нитками, намотанным на палочку шелком, поясами, толстым полотном и кусками парчи“,—удалось обнаружить Терещенко наряду с амбарами и погребами.

Средняя часть II района, на поверхности которой нами было собрано значительное количество образцов голубого поливного кирпича, изразцов, мозаики и разнообразной керамики, поливной и без поливы, а также целадона и каменных котлов, повидимому, была занята более или менее богатыми строениями, ныне здесь сохранилось наибольшее количество бугров. Эту часть снабжала водою сложная сеть каналов с водоемами; в свою очередь поставлявшими воду

---

[1]) Григорьев, „О местоположении Золотой Орды“, приложение стр. 17.

в отдельные дома. Здесь начались раскопки Терещенко в 1843 году [1]), причем „в одном кургане открыли стену, убранную мозаиком, и голубой пол; в другом—несколько стен с остатками комнат, в коих пол был выложен мозаиком и шестиугольными кирпичами; в третьем—пять комнат с небольшими стенами и обыкновенным кирпичным полом" и т. д. Сохранились следы фонтана, „проведены трубы" из водоемов и каналов в дома. Были найдены: керамика, „мраморные куски, перержавленное железо, детские свистки, перержавленная сталь и медь, обломки оружия... кольца, перстни... светильники и медные весовые чашечки... чернильницы, стеклянно-серебристый флакон" и др. Здесь же работал Терещенко и в следующие годы и обнаруживал следы деревянных строений [2]). Хочется верить, что это „главное гнездо развалин" являлось центром города, где проживала знать: „Местопребывание царя там (в Сарае) большой дворец, на верхушке которого находится золотое новолуние, весом в два кинтаря египетских; дворец окружают стены, башни, дома, в которых живут эмиры его", говорит Эль-Омари [3]). Действительно, если Терещенко на самом деле откопал дворец хана, в южной части района, средняя часть района, находящаяся также под защитой общего для II района вала и обводного канала и отличающаяся богатой отделкой строений, могла соответственно словам Эль-Омари, служить кварталом „для эмиров хана", т. е. для социальных верхов.

На поверхности северной части II района мы обнаружили большое количество шлаков; на кирпичах развалин возможно наблюдать следы огня. Терещенко, во „внутренности главного гнезда развалин" были обнаружены „горны, печи"; слова Терещенко о раскопках (в 1846 г.) „одной только ровной поверхности" вполне соответствуют характеру северной части района II, профиль которой глаже, ровнее. Найденная нами медная трубочка с серебряной инкрустацией,

---

1) Григорьев, Приложение. стр. 7.
2) Григорьев, Приложение, стр. 21.
3) Тизенгаузен, стр. 241.

повидимому, свидетельствует, что горны и мастерские этого района работали дорогие вещи, для той же знати, а потому естественно были построены под защитою вала, хотя и отделялись от жилого квартала каналом.

РАЙОН III.

Район III, к югу от II и ниже его; он непосредственно примыкает к Сахарному озеру и частично заливается весною. Поверхность его в общем менее ровная; выделяются отдельные бугры. С запада его ограждал вал и канал; на востоке он сливается с районами IV и I (ныне город Царев). Сохранились следы нескольких глубоких каналов, соединяющих канал обводный района II с Сахарным озером; наиболее значительный из этих каналов еще ныне достигает 4 аршин ширины и 2 аршин глубины. Сохранился также искусственный бассейн, в бытность нашу, в июне, в Цареве наполненный водою; размеры его 240×80 арш. при глубине не менее 3—4 арш.; бассейн этот снабжался водою из обводного канала района III. Повидимому здесь раскопал Терещенко „каменный курган"[1]). „Стены его оказались сложенными из дикаря"—говорит Терещенко: „а верх из залитого известью кирпича; толщина стен 2½ арш., пол вымощен внизу дикарем, а свод толщиною в 1 аршин 2 вершка, весь из дикаря; по всему зданию проведены были водопроводные трубы, направленные к водоемам и каналам; между сводом и полом наделаны круглые подвалы, на подобие пещер, в окружности от 8 до 13½ сажен, в этих пещерах хранилась вода; в одном месте торчал медный фонтан...; на верхнем полу здания (36×36 арш.) заметны обломанные стенки комнат; вокруг здания прорыты рвы, за рвом находится вал, выложенный местами камнем; вал соединен с каналами и большими водоемами; все это окружало здание, с северной же и южной сторон—тянутся к нему широкие каналы, соединенные с Сахарным озером..." Вблизи были обнаружены „следы ком-

[1]) Григорьев, Приложение, стр. 12 и 14.

нат с стенками и внутри их печи со сводами, по бокам стен валялись горелые бревна“. В 13 ямах нашли „перепревший зерновый хлеб: пшеницу, рожь, просо“. Между насыпями попадались „множество труб водопроводных, обломки посуды, кожа, нитки, холст, поясы, обувь, парча, украшения женские, чернильницы... канифоль“ и др. Повидимому, в этом же районе Терещенко откопал и „базар, внутри которого могло находиться каменное складочное место для товаров“ [1]); здесь были найдены:... „орехи грецкие и обыкновенные лесные, чернильные орешки, жолуди, миндаль, изюм, чернослив, сливы, винные ягоды, сладкие рожки, персики, фисташки, гвоздика, перец, горох, бобы, сарацинское пшено и частью кофе; в трех каменных подвалах кучею куски кристалла, краски: синяя, желтая, голубая, зеленая, красная и белая... смола, листы меди... медная проволока, мотыги, сера, квасцы, соль, селитра и просо“. Невольно вспоминаются в связи с сим слова Ибн-Батуты: „Купцы же и чужеземцы из обоих Иранов, Египта, Сирии и др. мест живут в особом участке, где стены ограждают имущество купцов“... и—„каждый народ живет в своем участке отдельно, там и базары их...“ [2]). Нам придется установить особый „торговый район“ столицы Золотой Орды. Хочется верить, что это район III, наиболее близкий к Ахтубе, непосредственно примыкающий к Сахарному озеру. „Сарай—город великий, заключающий в себе рынки, бани и заведения благочестия, место, куда направляются товары .. посредине его пруд, вода которого из этой реки“, говорит Эль-Омари [3]). Вот эти слова более всего подходят к району III, который наряду с I, в силу своего местоположения, первый должен был предстать перед глазами путешественника. И небезинтересно, что именно в этом районе находят много монет. На кладбище, в центре района, при рытье могил находили „сотнями“ серебряные монеты.

---

[1]) Григорьев, стр. 22.

[2]) Тизенгаузен, стр. 306.

[3]) Тизенгаузен, стр 241.

РАЙОН I.

Район I, ныне занятый городом Царевым, более не поддается изучению: он весь застроен. Предание указывает в этом районе, на месте, где позднее был построен храм, могилу Михаила и Феодора Черниговских. На площади, перед Исполкомом (вблизи храма), будто бы сохранилось древнехристианское кладбище: „было найдено богатое погребение женщины в парчевом одеянии с крестом на груди, на голове был золотой кокошник с висюльками...“ Повидимому, под восточною половиною города действительно сохранилось древнее кладбище, но западная половина Царева явно выстроена на месте древнего жилого района. „Город Царев стоит весь на развалинах“, говорит Леопольдов [1]): „они рассеяны здесь везде—по дворам, в огородах, в садах, под домами; улицы идут по фундаментам, пересекают валы и канавы; есть развалины, в которых подземелья, выходы и прежние укрепления еще целы и не раскопаны...“ Недавно, по сообщению местных жителей, близ здания Исполкома, был обнаружен сводчатый тоннель до 2 аршин ширины и 2 арш. высоты, вероятно, служивший водопроводною магистралью.

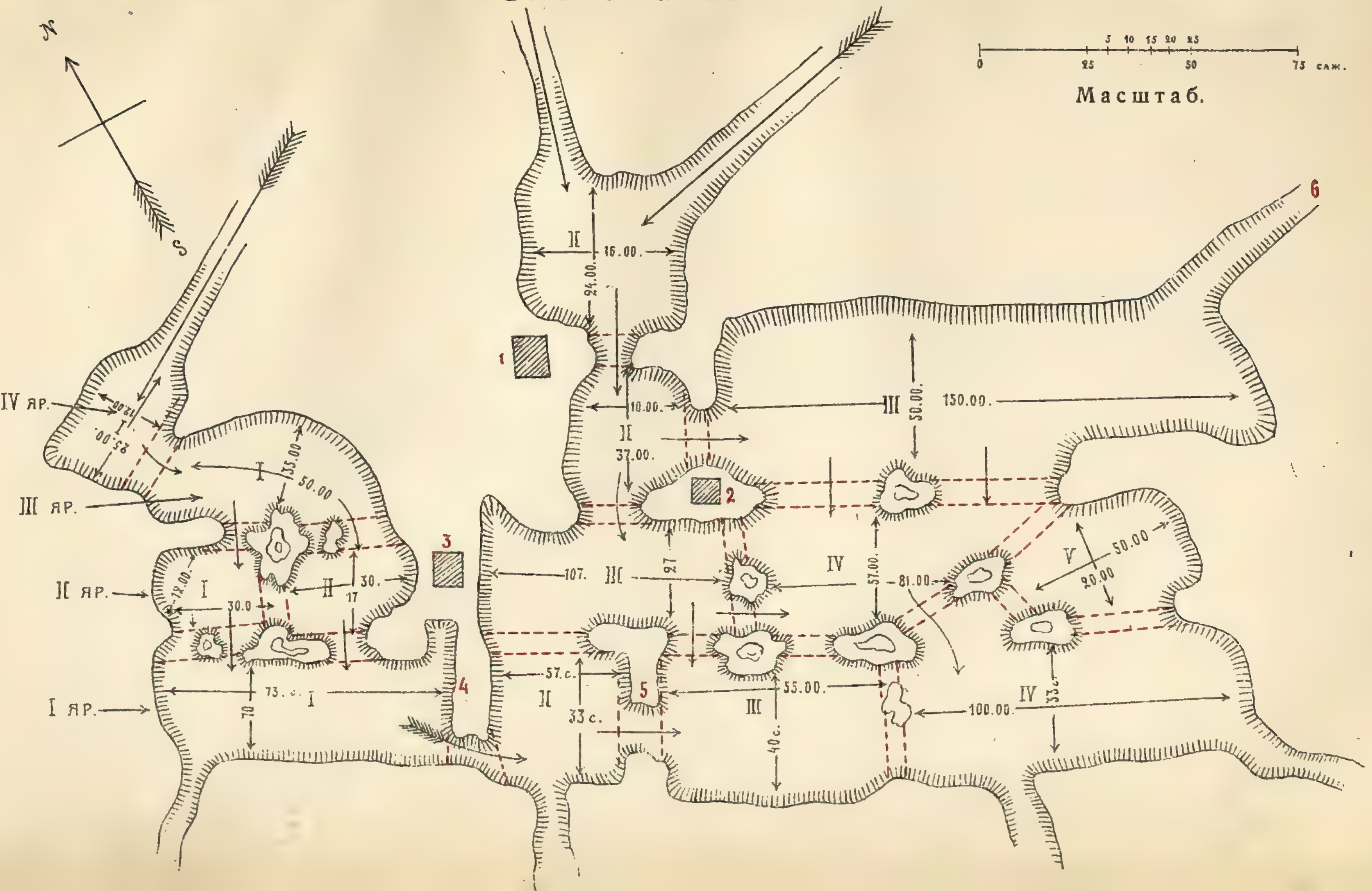
Быть может в этом I районе следует искать остатки „русского квартала“, раз существовал в Сарае русский епископат, раз приезжали в Орду и долго оставались здесь представители русской земли. Да и Ибн-Батута определенно говорит о русских, жителях Сарая [2]), а вообще в районе Царева находят много образков и крестиков. Местное население помнит на западной окраине города развалины значительных размеров; несколько больших бугров сохранились еще ныне. Возможно поэтому предположение, что также некоторые административные учреждения Золотой Орды могли помещаться рядом с „русским кварталом“ или наоборот, что русский квартал вырос вблизи тех учреждений, куда надлежало обращаться по делам русских областей. Вообще же

[1]) Григорьев, Местоположение, стр. 53.

[2]) Тизенгаузен, страница 306.

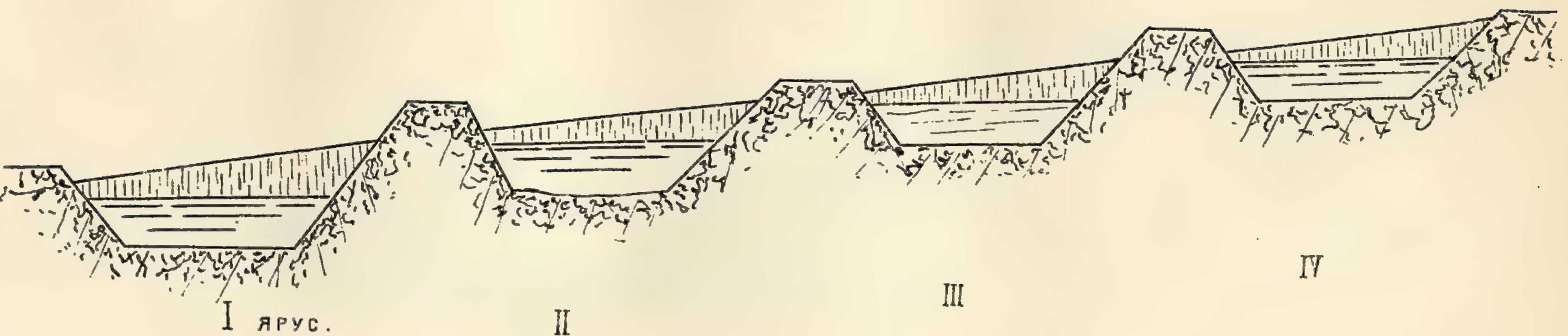
Таб. № 3.

Система бассейнов.

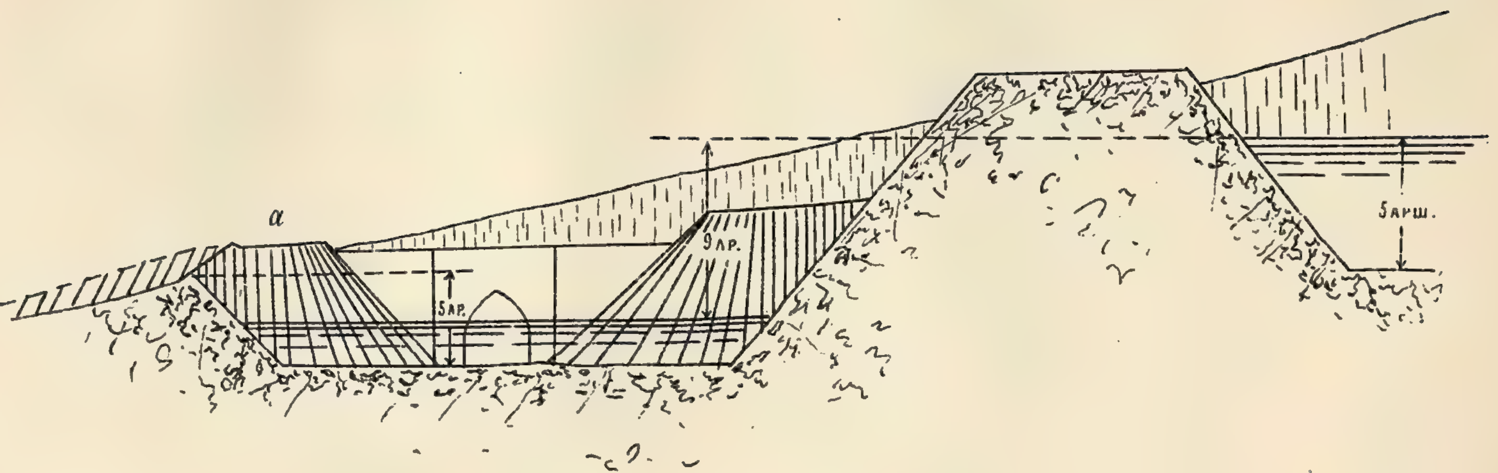
Таб. № 4.

Ярусы системы бассейнов.

Таб. № 5.

Разрез системы бассейнов.

нельзя не отметить, что именно на западной окраине этого района сохранились развалины, которые приурочивают к древней русской церкви. На северо-западной окраине района сохранились следы вала.

РАЙОН IV.

Район IV, к востоку от центра (района II), повидимому, был занят значительным количеством больших и малых строений, расположенных срели садов или дворов, окруженных каналами, а иногда даже и валами. Иногда такие усадьбы как бы образуют островки, намеренно отделенные от остальной площади. В более северной части района бугры меньших размеров; находимые образцы керамики бедные. Вообще же на площади этого района нами было найдено меньше обломков поливного кирпича и мозаики, а также целадона и обломков каменных котлов, чем, например, в центре. С востока район окаймляет один из наиболее глубоких каналов, еще ныне наполненный водою.

РАЙОН V.

Район V, к северу от центра, района II, расположен вокруг системы бассейнов, которые питаются водою из громадного водоема на сырту, с которым соединены двумя каналами. Бассейны вырыты на склоне сырта, покатого к югу; их всего 13 (см. табл. 3). Расположены они в четыре ряда или яруса, каждый более южный ниже предыдущего (см. табл. 4). Бассейнов в первом ряду, считая от сырта—2, во втором—3, в третьем—5, в четвертом—4. Размеры бассейнов: I ряда—75×48 и 72×48 арш., оба глубиною в 6 аршин; второго ряда—150×105 арш., глубиною в 6½ арш., 111×30 арш., 450×150 арш. глубиною в 6½ арш., III—90×36 арш., 90×51 арш., 321×81 арш., 243×171 арш., 150×60 арш. все глубиною в 6 арш., IV—219×75, 161×99, 165×120, 300×99 глубиною до 4½ арш. Бассейны, разделенные дамбами, сообщались шлюзами (см. табл. 5). Вообще же, благодаря на-

пору, который получался в итоге падения воды с яруса на ярус,—бассейны являлись не только сборным источником для водоснабжения города, притом позволяющим отпуск любого количества воды, но также движущею силою для тех заводов, которые были устроены около дамб. Крестьянами была здесь найдена половина железного приводного колеса весом около 9 пудов и в 2 аршина диаметром.

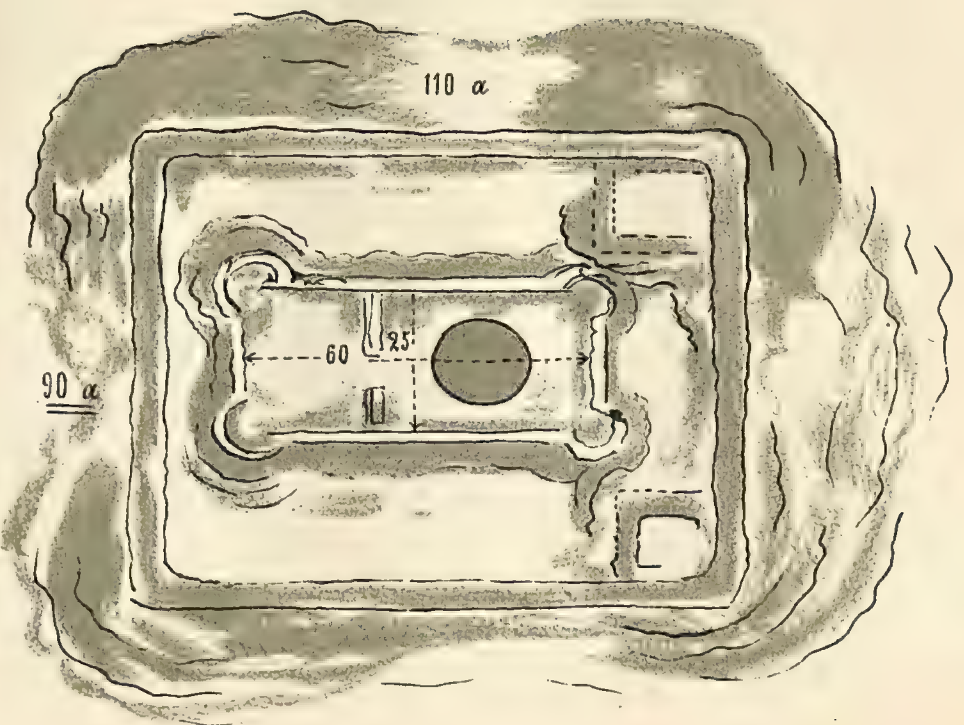
Значительное количество развалин горнов и заводов сохранилось также к югу и северу от бассейнов; шлаков нами было собрано чрезвычайно много. К северу от бассейнов нами был раскопан бугор, давший следы здания 7 арш. 8 в.$\times$ 6 арш. 7 в. с глинобитным полом и стенами из двух рядов кирпича ($4^1/_2\times4^1/_2$ в.) с засыпкою посредине черноземом, смешанным с глиною. К сожалению, оба конца здания были совершенно разрушены; здесь были обнаружены громадные братские могилы. Восточная подходная траншея дала 12 костяков, лежащих друг на друге в беспорядке,и дала бы еще большее число, если бы вся могила была раскопана. Западную подходную траншею мы прекратили копать после третьяго костяка. Нам показалось неудобным тревожить эти явно недавние погребения. На полу комнаты кроме незначительного количества простой и поливной керамики были найдены тигелек, кусок чугунного котла, много мелких слитков меди и несколько медных поделок, почему казалось, что откопана мастерская ремесленника. Такие же мастерские повидимому содержат и другие бугры этой северной половины района, в общем позволяющие предполагать, что район V являлся районом заводским. Керамика этого района небогатая, преобладает посуда из обыкновенной красной гончарной глины. Терещенко здесь были откопаны 8 горнов [1]). „Один из них с 79 отдушинами; посредине горна стояла обвалившаяся печь; ее окружали водопроводные трубы, которые расходились по стенкам отдушин; около печи нашли несколько ночников, кувшинов, котлов и множество железа,

---

[1]). Григорьев, Приложение, страница 24.

Таб. № 6.

Усадьба в близи красного моста.

меди, плавильных чашечек и форм". Терещенко, вне сомнения, именно об этом районе, ближнем к некрополю, говорит [1]): „Определилось: так сказать рабочее поле, на коем повидимому были устроены заводы и другие заведения..."

РАЙОН VI.

Район VI, к западу от районов II и V, от Маляевки и до описанной части древнего города,—как бы состоит из двух частей: северной, с меньшими дворами и менее значительными буграми, и южной, где бугры иногда достигают внушительных размеров и расположены посредине дворов с водоемами. Уже говорилось о широкой улице, которую как бы образуют ряды бугров: и ныне по этой улице пролегает дорога в Царев. Несколько следов древних усадеб в районе к востоку от Калыгуты нами было зарисовано. Они занимают площадь до 105×74 арш. и более; насыпь, окружающая площадь,—от 8 до 15 аршин ширины при 10—12 вершках вышины; посредине дворов или возвышается бугор или наоборот, видна яма до 19½×45 арш., при глубине до 1 арш. Одна усадьба „строение № 2" была нами обследована: мы проложили траншею 2 арш. ширины и 15 арш. длины через окружную насыпь, достигающую 7 арш. 8 в. ширины. На глубине 1 арш. под уровнем окружного поля выявились следы бутовой кладки фундамента 5 арш. 10 в. ширины, залитого саманом, повидимому стены или галлереи, окружавшей усадьбу (81 арш.×105 арш.) и построенной из кирпича (5×5 в.). Кирпича было найдено несколько десятков, но непосредственно над бутовой кладкой более не было ни одного. Траншея, проложенная через яму 45×19½ арш. в центре усадьбы, выявила, что под северным концом ямы сохранились следы погреба 5 арш. 5 в.×4 арш. 3 в., при глубине в 3 аршина под уровнем пола предполагаемого дома. Стены погреба, как и всего дома, оказались вынутыми, оста-

---

[1]) Григорьев, Приложение, стр. 9.

лось лишь незначительное количество кирпича, лежавшего в безпорядке около западного края погребной ямы. В западной же подходной траншее на глубине 1 арш. 8 в., как раз под внешними контурами всей ямы, более высокими по сравнению с уровнем поля, сохранились жалкие следы бутовой кладки и над нею, среди щебня и строительного мусора, отдельные кирпичи. Отдельные разбитые кирпичи с голубою поливой, найденные в погребной яме, свидетельствовали о когда-то богатой отделке дома. В яме же были найдены: железный замочек, куски чугунных котлов, крючок от удочки (?) и большое число битой посуды, в виде малых и больших горшков и кувшинов из обыкновенной гончарной глины, а также несколько черепков поливной керамики (голубой и зеленой). Но вообще, несмотря на внешние вполне отчетливые контуры всей усадьбы, от строений сохранилось столь немного, что приходится установить усиленную добычу здесь строительного материала, возможно—после предшествовавших раскопок Терещенко. Сарайский народный судья У. Бахтеев указал нам на любопытные следы дома в этом же районе, но к западу от Кальгуты, вблизи Красного моста. Здесь посредине двора 90×120 арш. с кирпичною оградою и кирпичными же строениями в углах двора, был построен дом до 60 арш. длины и 25 арш. ширины, имевший башнеобразные круглые выступы по углам (см. табл 6). Когда несколько времени тому назад здесь устраивали бахчу, стены достигали еще до 3 арш. вышины, были сложены из квадратного кирпича (в 3 кирпича); пол и стены были облицованы голубым поливным кирпичом, местами была мозаика в виде надписей; косяки дверей из центральной части в круглые угловые башни были алебастровые с мозаикой. Посредине строения был устроен круглый стол до 1 аршини высоты и около 2½ аршин диаметром, весь покрытый мозаичными узорами. Ныне от всего богатства этого строения ничего не осталось, кроме тех изразцов, которые вмазаны в стену землянки владельца бахчи; от него мы получили уцелевший кусок алебастрового косяка (см. табл. 7). О районе VI

Фрагмент косяка из здания близ Красного моста.

сохранились данные у Леопольдова[1]); он говорит: „К селению Пришибу развалины становятся реже, дворы и сады просторнее. Тут недалеко от Пришиба при Ерике, называемом Тутовым (возле Маляевки), был квадратный, о 20 саженях с каждой стороны, каменный дом с пристройками. Положение его прелестно: с юга и запада видны Ерик и озеро, обширные луга и вдали темный лес, с севера другой Ерик, из которого вода проведена была в сад и канаву, обходившую вокруг главного здания. По углам и вблизи вырыты были глубокие водоемы, наполнявшиеся водою из канавы. По всему видно, что здесь находился род загородного увеселительного дворца. В полуверсте отсюда лежат другие развалины, в которых также можно узнать дом, пристройки, сад, канавы и водоемы. Ерик, к которому примыкает это здание, называется Раковым. Развалины по речке Кальгуте сплошны и обширны. Посредством проведенных из нее во все стороны каналов поливались сады и наполнялись бессейны". Вообще же район VI уцелел лучше других, так как Терещенко к западу от Кальгуты, повидимому, или вовсе не копал, или же копал немного. Район заслуживает внимательного изучения и потому, что действительно дома его стоят посреди садов и, вполне возможно, являлись загородными дворцами, которые могли бы открыть перед глазами современного нам исследователя ряд новых типов памятников золотоордынской архитектуры. Южная часть этого района богато снабжалась водою каналом, соединяющим Ерик Раковый с Кальгутой.

РАЙОНЫ VII и VIII.

Районы VII и VIII не сохранили вовсе следов строений; встречаются образцы керамики, преимущественно простой из красной гончарной глины, редко поливной. Взятые пробы почвы показали довольно глубокий слой растительного перегноя, позволяющий предполагать здесь бахчи и сады.

---

[1]) Григорьев, страница 52.

НЕКРОПОЛЬ.

На сырту сохранился некрополь—„могометанское кладбище, расположенное вне Сарая и простирающееся почти на семь верст“, как говорит Терещенко [1]): „тут открывались в большом числе одни скелеты в кирпичных гробах“... В изобилии находимые кусочки золотоордынской изразцовой мозаики и поливного кирпича позволяют утверждать, что в некрополе были богато украшенные тюрбы; довольно значительно количество курганов обычного типа, полушарных с яминой, от 1 арш. до 4 арш. высоты. Нами был раскопан курган близ Кальгуты у „Мамайской плотины“, где сохранилась группа 9 больших курганов. Наиболее крупный из них достигал $4^1/_2$ аршина высоты при диаметре в 60 арш.; его окружал ров $4^1/_2$ арш. ширины и 12 вершков глубины. Ямина на вершине кургана, 14 аршин диаметром, была 2 арш. 6 в. глубины; тем не менее казалось, что курган не разграблен: ямина была слишком правильной формы. Решено было раскопать курган колодцем 6×6 арш. (см. таб. 8); на глубине 10 в. от дна ямины, в западной части колодца, мы обнаружили череп лошади, на глубине 12 в., в северо-западном углу,—золотоордынский кирпич, на глубине 13 в., посредине колодца,—челюсть, ребра и ножные кости овцы, на глубине 14 в., в северо-восточном углу,—черепки простой золотордынской керамики и обломки голубого изразца, на глубине 18 в., в восточной части колодца,—ножные кости лошади и кости овцы; под ними, на глубине 20 в., обнаружились очертания могильной ямы, овальной, осью с северо-запада на юго-восток, 2 арш. 10 в. ширины (в средине) и 6 арш. длины; в юго-восточной части могильной ямы, на глубине 2 арш. 6. вершков, лежал костяк человека, сильно истлевший, безусловно потревоженный, но повидимому лежавший с запада на восток. Таким образом, если не обманывают кирпич и изразец,—раскопанный нами курган дал разграбленное погребение золотоордынца с конем; татарские

[1]) Григорьев, Приложение, страница 9.

Курган близ речки Кальгуты.

План раскопки погребения.

Глубина от дна ямины:

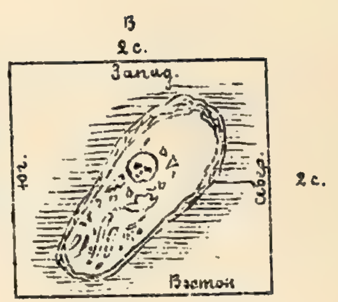
А=0,20—0,36 с.

В=0,80—0,85 с.

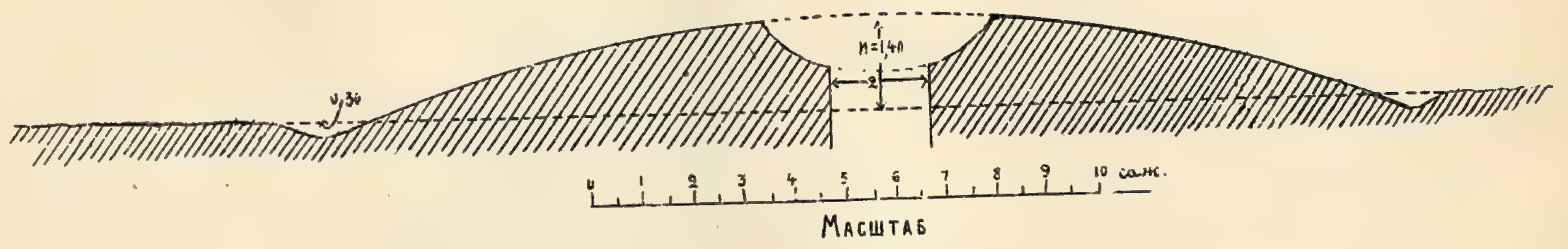

Содержание могилы:

1. Череп лошади.
2. Квадр. Золот. ордынск. кирпич.
3. Гнилушка дубового дерева.
4. Кости овцы.
5. Ножные кости лошади.
6. З.-ордынский изразец (обломок)
7. Черепки простой Золот. ордын. глиняной посуды.
8. Кости человека в полн. безпорядке, сильн. истлевшие.

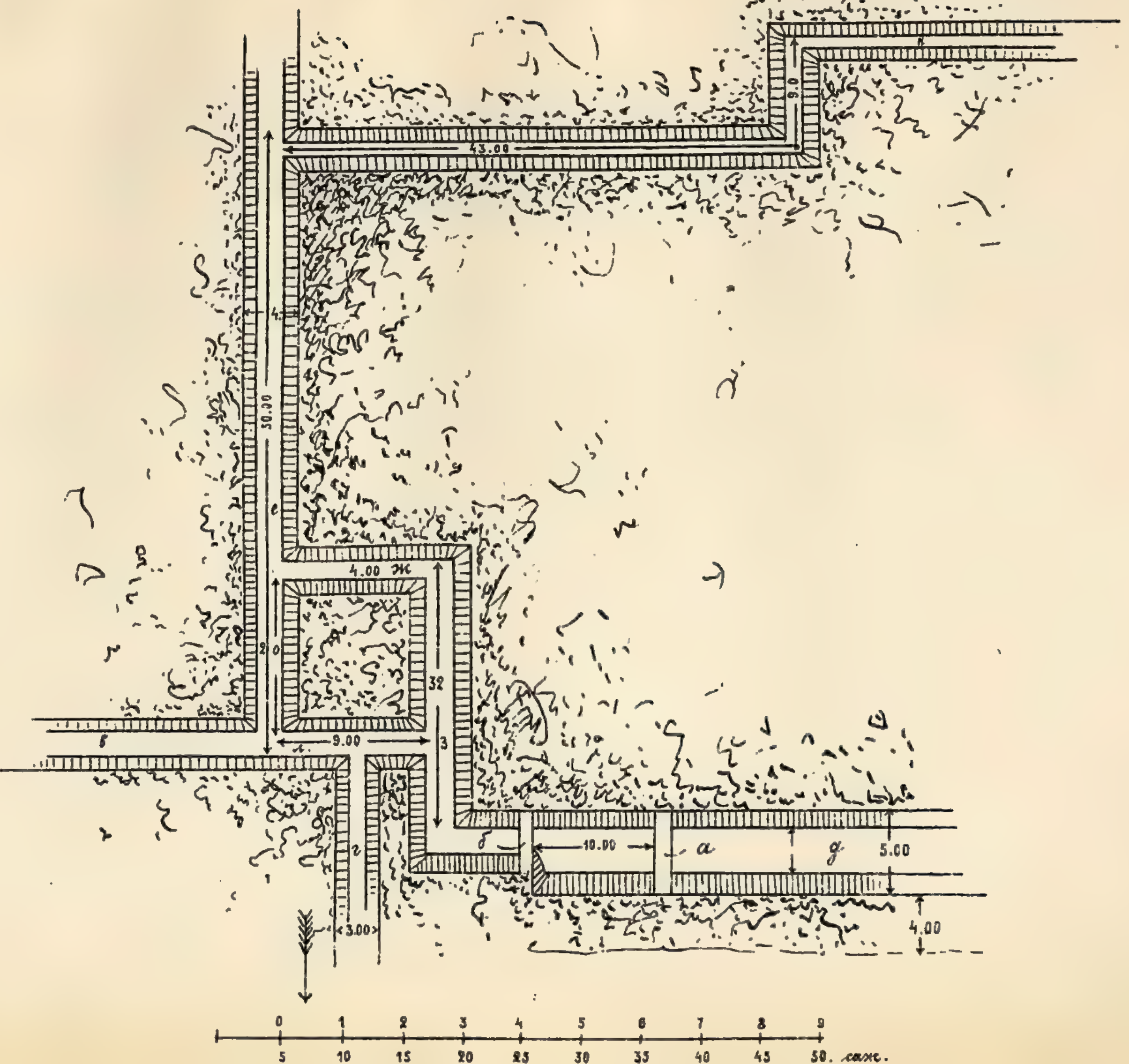
Разрез кургана

Масштаб

Таб. № 9.

Система шлюзов обводного канала района II.

погребения с конем были откопаны и ранее, мною в 1920 году на Терновском сырту, Б. В. Зайковским в 1910 году вблизи „Белого Мара“. Но, конечно, нельзя закрывать глаза на факт, что также кочевники—предшественники татар погребали с конем и клали покойников ориентированными с запада на восток.

ПЛОТИНА.

Наиболее интересным памятником былой жизни на территории Царева (в 6-ти верстах от города) является плотина, при помощи которой была устроена запруда на Кальгуте, на месте, где река оставляет сырт. Здесь русло реки образует громадный водоем, берега которого сближаются у самой грани степного сырта. Длина плотины по гребню 390 арш., ширина—45 арш., высота—22 арш. с половиной; на ее западном конце когда-то был шлюз, о котором еще помнят жители Царева, но который был заменен новым в 1911 г., когда предполагалось реставрировать и надсыпать плотину. Ныне плотина на том и другом своем конце разрушена, ибо после упомянутых работ вешние воды смыли новые шлюзы и потоки воды частью подрыли и древние сооружения. Запруда должна была удерживать действительно громадное количество воды, которая через Раковый Ерик и Кальгуту доставлялась в город. Из Кальгуты вода через особые каналы поступала в обводный канал II района и в сеть каналов района VIII. Оставив район II, воды далее попадали в ройоны III, IV и I; особые системы шлюзов (см. табл. 9) позволяли урегулировать водоснабжение, задерживали воду в районе II или отпускали воду районам III и IV, а вместе с тем и I-му. В случае недостатка воды из Кальгуты, для дополнительного водоснабжения могла служить система бассейнов района V. Излишек воды возможно было при помощи особых запасных каналов, орошавших район VII (бахч), направить непосредственно в Ахтубу. Совершенство всех гидротехнических сооружений нас буквально поражало, и если все это построено при Уз-

беке или его преемнике Джанибеке, Золотая Орда в эту пору действительно могла гордиться своей столицею и ее инженерами.

* * *

Монет нами было собрано 138 (8 серебряных, 130 медных): времени Узбека—36, Джанибека—53, Бирдибека—1, Хазр-хана—20, Навруз-хана—1, Мюрида—10, Мир-Пулада—1, Абдуллаха—1, Тохтамыша—1. Кроме того нам были показаны 100 монет из коллекции бывшей гимназии и 16 монет у местного собирателя золотоордынских древностей—Неженцева. Из всех этих монет оказались чеканенными в Новом Сарае —195 (т. е. 86%), в Сарае (Старом)—3 (т. е. $1^1/_4$ %), Гюлистане—25 (т. е. 11 %), Тарджине—4 (т. е. $1^3/_4$ %).

Собранные нами образцы керамики дали почти все характерные рисунки золотоордынского орнамента, обычного при красной глине, без поливы; как повсюду на золотоордынских городищах, преобладал орнамент резной. Керамики из гончарной же глины, но поливной, желтой и зеленой, было найдено много; не меньше керамики сине-белой и сине-черной из глины бело-желтой с орнаментом рельефным или кистевым. Встречается и целадон, в общем не редко; любопытен фрагмент, видимо, тарелки, на котором виден орнамент в виде волнистых линий в поливе. Наиболее богатым по количеству и разновидности керамики является район II, далее III, потом IV, V и VI.

Среди изразцов, нами обнаруженных, преимущественно голубых и белых, обращает на себя внимание обломок черной плиточки, когда-то 6-ти или 8 угольной. Изразцы и поливные кирпичи также встречались чаще всего в районе II, потом в районе III, IV и VI, реже в V. Но я бы не решился назвать городище богатым находками, много увезли Терещенко и другие, много погибло от рук кладоискателей и варваров, добывавших здесь кирпич. Нельзя не отметить с чувством глубокого возмущения, что согласно расказам Царевских татар сравнительно недавно было разобрана гроб-

ница стоявшая на „мусульманском кладбище“ плана Терещенко, у подножия сырта, и сохранившем надпись:

حدانك رحمتی اولسون آلارغه
آلار لائق ایدی دعاء قیلورغه
یکرمی آلتیدا اولدی فناسی
یقلدی تاشینك برحوب بناسی
مزین باطنی لعل جواهر
یاپلمش لؤلؤ مرجانله ظاهر

،بو ابیات سارای شهرینك قبرلارینك
قبه‌لرینك بعضسنده دیوار اوزره یازلمش
شول قبه‌لرنك رسملرندن منقول.

٩٢٦ ور شعر اوچون ٩ یوز ترك ایلامش.

К сожалению, нет даже возможности установить, куда увезены камни, сохранившие этот любопытный текст, блещущий перлами образной речи.

ГЛАВА III.

РАЗВАЛИНЫ СТАРОГО САРАЯ.

В село Селитренное, на поездку куда средства были ассигнованы Татнаркомпросом через Татпредставительство в Москве, мы отправились вдвоем с Б. В. Зайковским 9 сентября. Ночью с 11 на 12 сентября мы приехали в Астрахань. 12 сентября знакомились с золотоордынскими древностями Астраханского Музея и посетители Калмыцкий Архив, откуда благодаря содействию профессора Н. Н. Пальмова получили ряд выписок из архивных дел, касающихся с. Селитренного. 13 сентября произвели осмотр Шаренных бугров. 14-го сентября, после повторной работы в Астраханском Музее, в 2 часа дня выехали в с. Селитренное, куда прибыли 15 сентября на рассвете. 15 сентября же мы приступили к работам по изучению Селитренского городища, которые закончили 7 октября, когда выехали в Саратов—Б. В. Зайковский с археологическим грузом через пристань Сероглазки, я через Астрахань, т. к. оказалось необходимым получить еще дополнительные сведения у местных деятелей о ранее произведенных в с. Селитренном работах. В Саратов мы оба приехали 13 октября. Для раскопок нанимались рабочие из местных крестьян, от 8 до 25 человек в день, в зависимости от условий погоды и производившихся обследований. Кроме того на площади городища было налажено порайонное собирание монет через пастухов и местную крестьянскую детвору.

Наша работа началась с с'емки плана (см. табл. 10) и вообще детального изучения площади городища, причем изучались не только следы древней жизни на поверхности городища, но было проложено также несколько пробных траншей, для установления мощности культурного слоя и щебня и

Схематический план городища Селитренного

(Ст. Сарая).

- следы строения.
- следы тюрбы.
- керам. заводы, горны,
- кирпичн. заводы.
- металлургич. зав.
- черепки.
- погребения.
- мазарки.
- дюнные стоянки.
- колодезь.
- следы канала.
- искусств. водоемы.
- следы вала.
- химич. заводы.

Образцы керамики из Сарая.

выяснения сохранности и содержания этого слоя. Так, напр., траншея, проложенная у подножия „Черепяного поля" дала возможность убедиться в правильности наблюдений путем изучения самой поверхности, что это „промышленной район": траншея обнаружила следы кирпичного завода. Другая траншея, на самом „Черепяном поле" подтвердила, что плато это действительно было занято керамическими мастерскими. Все подобные траншеи производились без нарушения сохранности сооружений, на которые мы натыкались, как вообще были вновь зарыты все архитектурные памятники золотоордынской культуры, которые нами были откопаны полностью.

Площадь Селитренского городища равняется всего приблизительно 36 кв. верстам; она тянется на 12 верст вдоль Ахтубы и версты на 3 в глубь от реки. Волга протекает всего в 6-7 верстах от Селитренного; ее отделяет от Ахтубы низкий остров лугов и бахч, во время весеннего разлива скрывающийся под водою. В древние времена, когда уровень воды был выше, городище, т. о., вероятно, стояло на самом берегу Волги.

РАЙОН I.

Середину городища, площадь около 3 кв. верст, ныне занимает село (район № 1); это как бы центральный бугор системы кряжей и холмов, на которых когда-то раскинулся древний город: вокруг этого бугра образуют почти правильные полукруги все остальные холмы и кряжи. Судя по рассказам о случайных находках и характеру сохранившихся стен и бугров щебня, район № 1, повидимому, наиболее древняя и богатая часть городища, ныне—пожалуй—наиболее уцелевшая. На улицах села видны следы кирпичных стен, облицованных изразцами. На Коммерческой улице (2-ой от Ахтубы) как бы сохранились следы ряда домов, примыкавших к одной улице, параллельной реке. Под домом Погожева (угол Набережной улицы и Третьего переулка, считая от Кучугур) сохранился кибиткообразный погреб—зернохра-

нилище; такое же зернохранилище (ныне вовсе разрушенное) было обнаруженно ранее, в 1888 году, К. Н. Малиновским [1]) на той же улице под домом Гончарова. На Набережной улице рядом с домом Погожева видны следы стен каких-то подобных же сооружений. На Коммерческой улице, на северо-западном ее конце, крестьянин И. С. Кондаков указал нам двор, откуда адмирал Балашов увез в Петербург изразцовую мозаичную надпись из стены стоявшего здесь строения [2]); приезжавшие в Селитренное татары мусульмане будто бы совершали перед этой стеною молитвы; ныне сохранилась лишь груда щебня, покрытого землею и заросшаго травою. Небезинтересно отметить, что в „Отчете" Малиновского о поездке его в Селитренное в 1888 году [3]) сообщается, что в начале XIX ст. „у села Селитренного находились остатки древнего ханского замка и татарской мечети", которые однако уже в 1827 году „ничего другого не представляли кроме разрытых ям и бугров из кирпичного щебня". В виду того, что согласно „Отчета" Малиновского [4]) бугры эти находились вблизи башен Селитренного завода, явно речь идет и в разсказе Кондакова и в отчете Малиновского, об одной и той же мечети; развалины дворца („замка"), возможно, скрываются под теми громадными буграми щебня, рядом, которые еще ныне, хотя из‘езженные и частью застроенные, столь внушительно замыкают северо-западную горную часть села. Если здесь действительно сохранились следы „ханского замка", то приходится сказать, что место для „замка" было выбрано идеально: дворец поднимался над самым берегом Ахтубы, на самом высоком из Селитренских холмов.

В XVIII столетии в самом селе или подле него безусловно возвышались еще некоторые древние строения; это явствует из выписок из дел Астраханского Калмыцкого Ар-

---

1) Отчет о поездке в село Селитренное, стр. 14.
2) См. также „Отчет" Малиновского, стр. 11.
3) Стр. 6.
4) Стр. 6 и 7.

хива (предоставленных мне проф. Н. Н. Пальмовым): 1) Дело 1717 года № 5, Л. 80, от 17 июля 1717 года, Чакдоржан пишет Чирикову: „И я с милостью твоею об урочище Бѣлой Мечети ниже, или выше хочю видетца и словесно переговорить“; 2) Л. 110, от 19 августа 1717, Чакдоржан пишет Чирикову: „Хочю с тобой видѣтца у Зеленой Мечети, где новую селитру варятъ“; 3) Дело 1719 г. № 6, Л. 70, от 1 марта 1719 г., Чакдоржан пишет астраханскому боярину: „Которые на Ахтубе в урочище у Зеленой Мечета, і варят великого государя селитру, і в тот де городокъ, которые наші люди уйдут, и они нам не выдаютъ“.

Селитренный завод, от которого село получило свое название (и от которого сохранилась лишь одна строжевая башня), стоял рядом с предполагаемой мечетью, частью на тех громадных грудах щебня, о которых говорилось выше; вполне возможно, что основатель селитренского золотоордынского города и строитель русского завода времени Петра I в одинаковой мере считали целесообразным для большой безопасности от возможных нападений избрать для „замка“ (цитадели?) и для укрепленного завода наиболее высокий холм. Нами в этом районе из одной из стен был вынут кусок извести с мозаикой и найдены: несколько изразцов с рельефным орнаментом в виде растительных мотивов, кусок прекрасного целадона с рельефным орнаментом, фрагмент витого браслета из темнокрасного стекла, золотоордынский замочек и несколько бусин. Один из крестьян принес позднюю металлическую печать, найденную у него на дворе. Монет в этом районе ни нами, ни нашими собирателями не было найдено вовсе. Однако на берегу Ахтубы, напротив села, после бури выбросило 2 медные римские монеты IV в., серебряный диргем, 2 монеты Токтогу 710 года Ст.-Сарайского чекана, 10 монет времени Узбека. По рассказам крестьян, ранее встречались монеты серебряные и медные „мамайские“, редко золотые—всего 8 [1]); много

[1]) См. также „Отчет“ Малиновского, стр. 13.

было откопано всяких золотых вещей, напр., блюдечко с надписью, серьги, фигурки людей, перстни (два перстня сохранились) и браслеты (один спиралевидный браслет со „змеиными головками“ был продан недавно). Малиновский сообщает, что около села на берегу реки был найден кожаный кошелек с 2½ или 3 сотнями серебр. монет, которые были отправлены в Археологическую Комиссию в Петроград. Часто встречаются водопроводные трубы; напротив дома почтаря сохранился колодезь (см. ниже). В общем создается впечатление, что одна из наиболее благоустроенных частей города, притом состоявшая исключительно или почти исключительно из кирпичных построек, примыкавших к крупнейшим сооружениям на самом высоком месте этого центрального бугра, и сохранилась наиболее хорошо (ибо из-за крестьянских изб здесь было нельзя добывать кирпич), и содержит наиболее древние, богатые и ценные остатки былой жизни. Этот район описан Палласом [1]: „Небольшая для прикрытия селитренной работы построенная, но ныне со всеми находящимися в ней строениями в крайней упадок пришедшая крепость, лежит на том холму, на котором вероятно главнейшее строение города и, как кажется, большою стеною окруженный замок находился. Там видны еше великие остатки двух зданий, из коих великолепнейшее... от развалин, в коих оно находилось, очищено было; другое же, судя по оставшимся следам, кажется, было жилым домом со многими небольшими отделениями. Первое строение по оголившимся стенам основания и по сводам могил, из коих доселе великие богатства и гробы совершенно серебром обитые выкапывали, ни за что иное почитать можно, как за могилу, в которой погребен какой-нибудь Хан, или за памятник с часовнею построенный. Все здание представляет вид продолговатого четыреугольника от северо-востока к юго-западу в длину на 12 сажень; а по фасаду, в южную сторону простирающемуся, повидимому почти девять сажень с полови-

[1] „Путешествие по разн. провинциям Росс. Гос.“, 1788, ч. III, полов. II, стр. 143.

ною в ширину имеет. В нем ясно приметны два почти равные отделения, и к северу лежащее заключало в себе настоящую могилу, где еще видны скрытые гробы. Напротив того, южное отделение, особливо по фасаду, которого стены в вышину почти девять сажен, а основание толщину более двух локтей имеет, было украшено готическими пилястрами, столбами и сводами, коих остатки еще доныне видны. На всех еще поныне оставшихся стенах, кои из прекрасных кирпичных плит весьма правильно построены, видно великолепие и красота, какой я еще нигде при Татарских развалинах не видал. Внешняя сторона стен не только по некоторым пространствам, во всех уступах с муравленными украшениями из глины зеленого, желтого, белого и синяго цвета треугольниками и другими фигурами украшена, но также на главнейшем фасаде сего строения приметны остатки готической щекатуры, которая такими же муравленными фигурами, представляющими цветы улиткового изображения, даже целыми изразцами на подобие мозаики украшена была... Еще и поныне слышно о могилах и драгоценностях, кои прежде сего здесь собираемы и выкапываемы были"...

И с юго-востока площадь села замыкается бугром— „Маячным", некогда также покрытым, судя по рассказам крестьян, богатыми развалинами [1]); ныне бугор частью застроен, частью изрыт, частью представляет площадь почти без всяких следов древнего жилья (особенно вокруг ветр. мельницы). Также здесь более монет не находят.

Возможно, что центр города (ныне село) был окружен стеною и бугры Селитренный и Маячный являлись одновременно и чем-то вроде фортов, и были застроены лучшими дворцами и зданиями общественного характера. По крайней мере Паллас определенно говорит о „большою стеною окруженном замке" на холме „Селитренном", а о мощных стенах, откопанных на бугре „Маячном", рассказывают крестьяне.

---

[1]) Сравн: Спицын, Отчет 1893, стр. 84: „Наверху Маячного бугра были находимы дерев. срубы".

РАЙОН II.

К северу от села лежит район II, в своей северной, более отдаленной от села части ныне находящийся под влиянием окрестных дюнных песков и в настоящем году частью засеянный камарчуком. В этом районе следов кирпичных строений не сохранилось вовсе; за день до нашего от'езда из Селитренного бурею раздуло дюну, в результате чего выявился ряд саманных построек, окруженных общею оградою. Весьма значительно количество черепков, попадающихся в этом районе; реже встречаются образцы керамики поливной, зато керамика простая из обыкновенной красной гончарной глины представлена в виде обломков больших и малых горшков, кувшинов, мисок и бутылок.

Повидимому, район II был заселен преимущественно городскою беднотой, частью же просто представлял площадь, где разбивались шатры, когда в город наезжали кочевники. Монет в этом районе было собрано 108, из них 31 времени Узбека, 47—Джанибека, 11—смутного времени, 19—нечетких.

РАЙОН III.

Район III, к востоку от села, частью на низине за Маячным бугром, частью на холмах первого кряжа, полукольцом охватывающего село, поражает правильными кургановидным контурами тех бугров, которыми усеян. Высокие места этого района, ближние к садам Киселевки (Селитренских выселок) и известные под названием Черепяного поля, совершенно покрыты битой посудой; попадаются даже цельные экземпляры кувшинов, чаш и горшков. Иногда встречается брак или посуда недоделанная, например, лишь приготовленная для поливы (найдена почти цельная чаша). Проложенная нами траншея № 1 (3×1 арш.) дала сплошной слой (толщиной в 1/2 аршина) безусловного брака, в том числе кувшин без носика, корчагу без днища, чашу со следами ангоба и разбитую бутылку из красной глины (см. табл. 11); другая траншея № 2 (6×1 арш.)—мусорную яму

(1×1 арш.), в которой были обнаружены 2 костяных черенка, бронзовый замочек, цельный светильник из красной глины, большая корчага без днища, некоторое количество черепков посуды, бывшей в употреблении, 2 монеты времени Узбека и, наконец, большое количество просяной шелухи.

Около самого села, на дворе предпоследней усадьбы Киселевки, оказался значительно разрытым для добычи кирпича один из кургановидных бугров; оставшуюся часть бугра детально обследовать путем раскопок, к сожалению, было нельзя. Тем не менее удалось выяснить, что бугор содержит остатки сводчатой печи, сложенной из золотоордынского самана и частью кирпича; печь, повидимому, служила для добычи поташа из золы травянистых степных растений, т. к. в развалинах печи было обнаружено громадное количество золы, и небезинтересно, что еще ныне крестьяне с. Селитренного жгут траву „поташник" для этой цели.

Дальше к северо-востоку, на склоне кряжа, проведенные через один из бугров 2 траншеи № 3 (2×7 арш. и 1×3 арш.) дали следы кирпичного завода; под таким же кургановидным бугром была обнаружена громадная груда сильно обожженных кирпичей и шлаки; но т. к. завод, повидимому, служил каменоломней для добычи кирпича, весь пригодный для постройки материал оказался вынутым из стен, стены поэтому совершенно разрушенными и дальнейшие раскопки совершенно безцельными.

Еще далее к северо- востоку, на поверхности бугров, также со следами сильного огня и с большим количеством кирпича, потемневшего от огня, были обнаружены шлаки железные и медные, а также отдельные слитки меди, что позволяет предполагать здесь литейные заводы. Весь район III занимает площадь не менее 3 квадратных верст; сравнительно хорошо заметных кургановидных бугров насчитывается всего до 90. Монет было найдено всего 11, из них 7 времени Узбека, 4 времени Джанибека.

РАЙОН IV.

Район IV, не менее 5 кв. верст, к западу и северо-западу от села, повидимому, был застроен сравнительно более богатыми кирпичными строениями, облицованными изразцами и украшенными мозаикой и мрамором; район занимает низину к северо-западу от Селитренного завода и кряж, известный у крестьян под названием „Кучугуры". Наиболее северная часть „Кучугур" достигает высоты, почти равной „замковому" холму и была окружена валом (или стеною), следы которого сохранились. Здесь строения, вероятно, отличались совершенно исключительною роскошью, т. к. изразцы встречаются наряднее, с узорами, мозаики больше, голубых поливных кирпичей даже теперь осталось много. Попадается мрамор белый и пестрый с коричневатыми или серыми жилками. Черепками поливной и простой керамики весь район IV буквально усеян, но поливных и особенно целадона больше на „богатом бугре Кучугур" (см. табл. 12-14); встречается много обломков каменных котлов, часто со следами огня: были найдены поделки из кости и металла. Район безусловно производит впечатление квартала населенного, с богатым (торговым?) центром на „Кучугурах".

РАЙОНЫ V и VI.

Район V, между Кучугурами и Красным бугром, более 3 кв. верст, иного характера. Следы вала (?) и площадь (?) отделяют от него приахтубинскую (южную) часть со следами богатых строений, украшенных мозаикой и изразцами; здесь нами была откопана группа строений: № 3, 4, 5. Северная часть района выявляет несколько широких улиц и площадей; сохранились следы прудов и рвов; местами поверхность района усеяна шлаками и кусками сплавившихся фрагментов поливной керамики, поливы и стекла; местами встречаются черепки посуды бывшей в употреблении, вообще много поливной и простой керамики, иногда целадон, часто куски каменных котлов. Нами было здесь откопано строение № 2, оказавшееся мастерской ремесленника.

Фрагмент керамики с Кучугур.

Фрагмент керамики с Кучугур.

Фрагмент керамики с Кучугур.

На площади района VI, между „Красными буграми“ и „Змеиными“, сохранились следы вала, отделяющего приахтубинскую часть, однохарактерную с приахтубинской района V, от северной, однохарактерной с северною частью того же района V.

Монет собрано: золотоордынских в районах IV и V всего 1042 шт., из них Токтогу—6, Узбека 259, Джанибека 115, времени смут 537, времени распада З. Орды 119; около группы строений № 3, 4, 5 (район V) был найден клад из 122 серебряных монет периода распада Золотой Орды, астраханских самого конца XIV века и первой половины XV, но также Сарайского чекана того же времени. Кроме того, вблизи Селитренного завода 20 коп. Екатерины II (1780 г.), в низине между селом и Кучугурами и на Кучугурах—литовская Сигизмунда I (1548), медная тверская Михаила Борисовича (1461-1485), 2 серебр. копеечки Михаила Федоровича и полушка Петра I (1722).

НЕКРОПОЛЬ.

Змеиные бугры и цепь дюнных холмов к северу от районов III, II, IV, V и VI, а также Каменный бугор к востоку от Черепяного поля—представляют собою древний некрополь. На Каменном бугре, в 6 верстах от села, крестьяне при добыче кирпича не один раз „открывали могилы выложенные им (т. е. кирпичем), выходы со сводами и дерев. гробы“—говорит Малиновский [1]; в настоящем году была откопана „кибитка“ (см. ниже). На дюнных холмах ветер выдувает из-под песка целые строения (тюрбы), иногда ряды скелетов. Несколько лет тому назад ветром выдуло костяки всадника и коня. Мы обнаружили после бури стену саманного здания; часто встречаются изразцы и кусочки мозаики, местами черепки поливной и простой керамики, редко обломки железных топоров и стрелы. Встречается и керамика архаическая. На одном из дюнных холмов мы обнаружили

[1]) Стр. 11.

глиняную площадку (3 арш. 9 вер.×6 арш.), осью с востока на запад, на ней лежало значительное количество архаических черепков. Под площадкой ничего не оказалось. На другом холме мы нашли кремневую и бронзовую стрелу, 2 терки даниловского типа и часть бронзового ножа. Найденные монеты относятся: одна с Змеиного бугра к концу XIV ст., с песков—одна ольвийская монета и золотоордынские, относящиеся ко времени Узбека—2, к началу XV ст.—1. Но холмы некрополя и после золотоордынского периода служили кладбищем, об этом свидетельствуют саманные саркофагообразные могилки на песчаном холме к северо-западу от села у „Солончатого озера“ и киргизская мазарка на другом холме, к северо-востоку от села.

В районе некрополя, к северу от села, как раз против сельской церкви, за дюнными холмами выделяется бугор, на котором груд карпича или щебня не сохранилось вовсе, но все же встречаются отдельные обломки изразцов и кирпича. Холм этот невольно сопоставляется со словами Палласа: „Около полуторы версты от Селитренного городка к северу, достопамятен большойныне совершенно разрытый курган, к которому Кундуровские и другие татары, когда только близ оного бывают, суеверием побуждаемые ходят по обещанию для отправлен при оном их молитв; ибо по их преданию погребен там один святой из их веры. По той причине, называют они сие место Джигит-Хаджи, от чего происходит также и то, что Селитренный Городок называют многие вообще именем Джигит“. Как раз в поисках этого „кургана“ мы обследовали весь район к северу от села и обнаружили только указанный выше холм, стоящий совершенно отдельно, действительно напоминающий громадный курган и отстоящий от села верстах в 2—2½. Обследуя холм, мы на южном краю его увидели площадку, осью с севера на юг, из 4 рядов самана, положенного елочкой; вокруг площадки оказался заливной слой глины. Под этой площадкой мы обнаружили мозаичный пол строения № 1, откопанного нами. Вблизи этого холма, ближе к селу, вет-

ром раздуло 5 горнов, один из которых был полностью нами откопан. В районе строения № 1 и горнов найдены 2 монеты времени Узбека и 1 начала XV в.

* *
*

В общем на территории древнего городища и некрополя найдено 2300 монет, из них 150 оказались вовсе негодными, 630 неопределимыми в виду раз'еденной поверхности; остальные оказались—античных 4, серебр. диргем X в. —1, Токтогу 1310 г.—8, Узбека—421, Джанибека—169, Бирдибека—3, времени смут, от Кульна до Тохтамыша (1360-1400)—727, времени распада З. Орды (от Тимура до образования Казанского, Астраханскаго и Крымского Царств)—191, поздних второй половины XV или начала XVI ст.—28; кроме того: западно-европейских средневековых—1, „тверское пуло" XV в.—1, литовская Сигизмунда I—1, Михаила Федоровича—2, Петра I—1, Екатерины II—1.

Как мы видели, наиболее древние монеты—римские, арабский диргем, 2 монеты Токтогу—были обнаружны на берегу Ахтубы, вблизи I района, свидетельствуя о большей древности центра города; район III (промышленный) дал монеты исключительно времени Узбека (64%) и Джанибека (36%); предполагаемый „Хаджи Джигит"—2 монеты Узбека, 1—XV ст.; район бедноты и шатровый (II)—времени Узбека —35%, Джанибека—53%, времени смут—12%; районы IV и V—Токтогу ½%, Узбека старо-сарайского чекана—14%, ново-сар. чекана—8%, Джанибека—9%, времени смут—58%, времени распада З. Орды (XV—нач. XVI в.)—10%, русских (1461—1780)—½%, а кроме того клад, о котором говорилось. Если сопоставить эти данные, бросается в глаза наибольшая древность, явное существование еще до-золотоордынского города, центра, расцвет промышленного (III) и торгового и ремесленного и обывательского (IV и V) районов при Узбеке (первая половина ханствования), заметное сокращение их при Джанибеке; потом замирание района III после Джанибека и новый расцвет IV и V районов в период смут и про-

должение здесь жизни после Тамерлана. Лишь II район показывает больший наплыв монет при Джанибеке, чем до и после него, а вообще существование лишь со времени Узбека. Итак, город как бы развивается до первой половины ханствования Узбека (включительно), потом наступает в жизни города перемена к худшему, хотя город и остается примышленным центром; чаще наведываются кочевники. Лишь в период смут в город вновь стекаются золотоордынские богатства и в небывалом ранее количестве; найденные монеты свидетельствуют об оживленных сношениях в эпоху 1361—1400 с другими городами орды: Булгаром, Гюлистаном, Тарджином, Харезмом, Азаком, Хаджи Тарханом и Мухши. Со времени второй половины ханствования Узбека новосарайские монеты вытесняют ранее преобладающие старосарайские, которые вновь появляются в значительном количестве в конце XIV столетия и в XV, вообще составляя 52% всех собранных; невольно бросается в глаза, если сопоставить с монетным материалом других городищ, сравнительно небольшой процент монет времени Джанибека (обычно подавляющих количественно остальные), как будто в жизни города при Узбеке произошла перемена, которая отразилась на благосостоянии города именно в ханствование Джанибека.

Собранная нами керамика отличается совершенно исключительным богатством. Не говоря уже о том, что городище дало совершенно цельные сосуды, разнообразие фрагментов по характеру орнамента и самой выделке столь велико, что повидимому нет непредставленного вида. Керамика красная из обыкновенной гончарной глины без поливы представлена в виде больших корчаг, горшков, кухонных и цветочных, больших и малых кувщинов, сосудов с коническим дном, сосудов бутылкообразных, кумганов, блюд, чаш и светильников, с орнаментом обычного рисунка резным, лепным и без него. Керамика из гончарной же глины, но поливная—желтая, зеленая, голубая и синяя (без орнамента или с орнаментом резным в виде спирали, розеток или

Фрагмент керамики из Ст. Сарая.

вообще мотивов растительных, и рельефным в виде розеток и шнурков)—судя по черепкам—преимущественно выделывалась в виде блюд, тарелок, чаш и кувшинов (найдено много ручек): фрагмент с „Богатого бугра“ позволяет предположить подносы. Несколько черепков грубой отделки позволяют утверждать, что золотоордынский мастер (в более позднее пору?) решался покрывать керамику из обыкновенной гончарной глины орнаментом и поливой обычными для керамики из глины беложелтой. Керамика из бело-желтой глины (с орнаментом рельефным или кистевым, реже без орнамента), сине белая, сине-черная (см. таб. 15) одноцветная белая, голубая, синяя—дает чаши, миски, чернильницы. Керамика из целадона, найденная в громадном количестве, повидимому, была представлена чашами, мисками и вазами (?); один кусок (от вазы?) оказался украшенным рельефным орнаментом в виде стилизованных растительных мотивов; фрагмент чаши снаружи оказался покрытым рельефным рисунком стилизованных лепестков. Сверлины на некоторых фрагментах позволяют предполагать металлические ручки (такая ручка из меди была найдена). Несколько кусков было собрано белого фарфора, в небольшом количестве мелкие фрагменты керамики из серой глины с белой поливой и пестрыми и кистевыми растительными мотивами. Обломков котлов из камня,орнаментированных и без орнамента, иногда с дырочкой близ днища, иногда закопченных сажей, на городище оказалось чрезвычайно много. Кучугуры дали медный ковшик, район IV и V—по куску чугунного котла. В процентном отношении собранные фрагменты керамики поливной и без поливы, а также из целадона и кам. котлов распределяются след. образом:

Для районов.	II	III	IV	V
без поливы	85	90	40	35
с поливой	10	5	40	45
целадон	—	—	5	5
котлы	5	5	15	15

для „Богатого бугра“: без поливы—25%, поливных—50%, целадона—20%, котлов—5%.

Таким образом, судя по этому материалу, после района I, наиболее богатым являлся „Богатый бугор“, затем район IV, бедным—район II; обилие прекрасных поливных черепков в районе V, б. м., об‘ясняется присутствием здесь соответствующих мастерских.

Поливные кирпичи, почти исключительно голубые, были найдены во всех районах, кроме II и III; изразцы с белой или бело-серой исподкой, одноцветные, белые, голубые, синие, черные (редко) и желтые, редко с кистевым рисунком или позолотой после обжига, часто с орнаментом кистевым и рельефным в виде растительных мотивов и арабесок, исполненным до обжига, изобиловали преимущественно в районах IV и V (также I), но встречаются и в VI и VII в достаточно значительном количестве. Можно с уверенностью сказать, что в районе II не было вовсе строений облицованных поливными кирпичами или изразцами.

Описывая в дальнейшем откопанные и детально обследованные нами строения городища, я размещаю эти описания в порядке номерации районов; намечены для раскопок были те бугры городища, которые по нашему мнению могли способствовать выяснению значения районов и их датировке.

Таб. № 16.

Строение № 8.

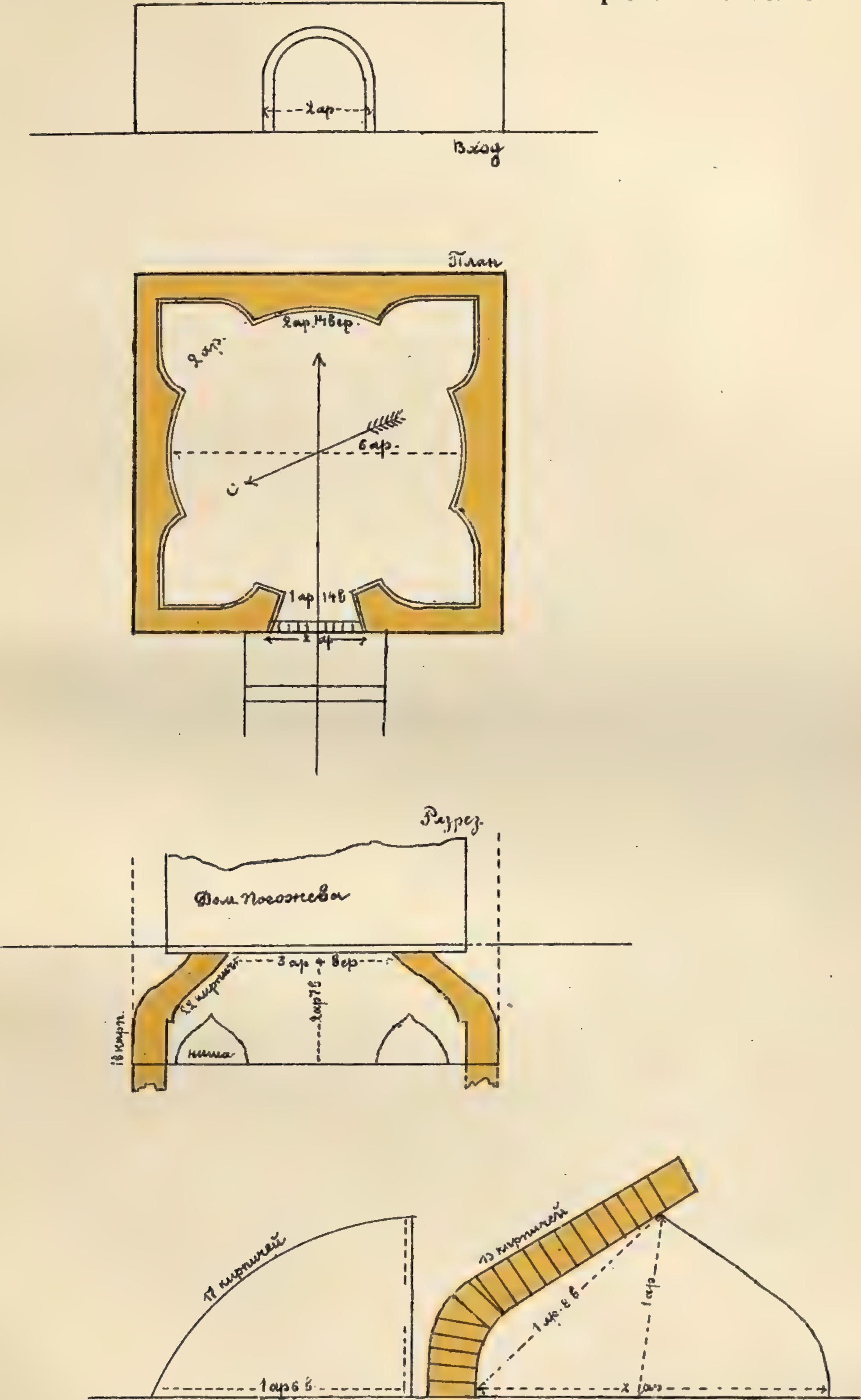

Рисунок и разрез ниши.

ГЛАВА IV.

ОПИСАНИЕ ОБСЛЕДОВАННЫХ В СТАРОМ САРАЕ СТРОЕНИЙ.

РАЙОН I.

Строение № 8.

Сводчатое золотоордынское строение под домом Погожева (см. табл. 16), ныне служащее погребом, представляет в плане правильный круг, 6 арш. диаметром; четыре ниши, 1 арш. 6 вершков глубины, 2 арш. ширины и 1 арш. вышины, с килевидною аркою, выступают крест на крест за пределы круга. Стены строения в своей нижней части (первые 16 кладок кирпича) образуют цилиндр, над которым сооружен куполообразный свод, частью (22 кладки кирпича) сохранившийся. Ныне устроен досчатый потолок, отстоящий от пола строения на 2 арш. 7 верш. С северо-запада в строение ведет сводчатая дверь, 2 арш. 1 верш. вышины, 2 арш. ширины. Все строение напоминает форму кибитки и вместе с другими подобными же строениями известно у местных крестьян под названием „кибитки". По рассказам крестьян, в настоящем 1922 году „кибитка" была откопана на Каменном бугре, кирпич использован для хозяйственных нужд копавшим владельцем соседней бахчи и сада. Малиновский рассказывает [1]) о подобном же строении следующее: „Я отправился... для осмотра случайно открытого (кузнецом Гончаровым)... странного подземного сооружения.., имеющего форму шатра или кибитки, хотя в общем круглого, но удлиненного несколько в одну сторону, с потолком в виде приподнимающе-

[1]) „Отчет", стр. 14.

гося к центру свода... Стены помещения из широкого, но не толстого старинного жженного кирпича, плотно уложенного; стены у под'ема к своду и самый свод тщательно выровнены, сглажены, пол земляной, только по краям видны отдельно наложенные кирпичи; в передней и задней стороне удлинения постройки (идущего от входа к противоположной стене) находятся неглубокие выемки, как бы ниши, имеющие форму очка червонной масти или сердца, как обыкновенно изображают, поставленные острым концом вверх, от основания пола на $^3/_4$ арш. высоты. Высота внутренности помещения от пола до высшей средней точки куполообразного потолка оказалось равною... 2 арш. $6^1/_2$ вершкам... и диаметр пола... 7 арш. 6 вершк"....

Ныне „кибитка" Гончарова разрушена, т. к. кирпич был разобран при постройке нового дома. По рассказам крестьян, вообще „кибиток" было открыто более 10 в районе Набережной улицы и около Каменного бугра. В „кибитках" находят иногда „закромы с остатками проса", иногда „погребения с богатыми украшениями возле костяков и сосудами".

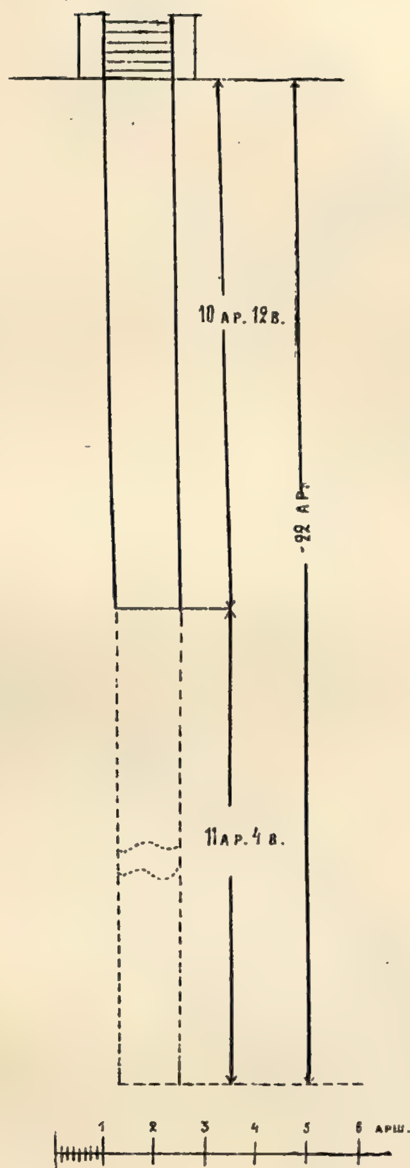
Кирпич всех „кибиток" типичный золотоордынский; кладка—на извести. Пол земляной; стены иногда бывают оштукатурены. Штукатурка частично сохранилась и на стенах „кибитки" под домом Погожева.

Колодезь (строение № 7).

На Почтовой улице села, напротив дома почтаря, сохранился колодезь, сложенный из золотоордынского кирпича, на глине (см. табл. 17). Ныне колодезь загрязнен и без воды; дно его затянуло песком. Тем не менее, он достигает глубины 10 арш. 12 вершк. В 1911 г., по распоряжению Енотаевского исправника будто бы была произведена чистка колодца, давшая глубину для выложенной кирпичом шахты в 21 арш., а под шахтой оказалось деревянная рама. Вода была прозрачная, хорошая, без привкуса соли; среди щебня и мусора

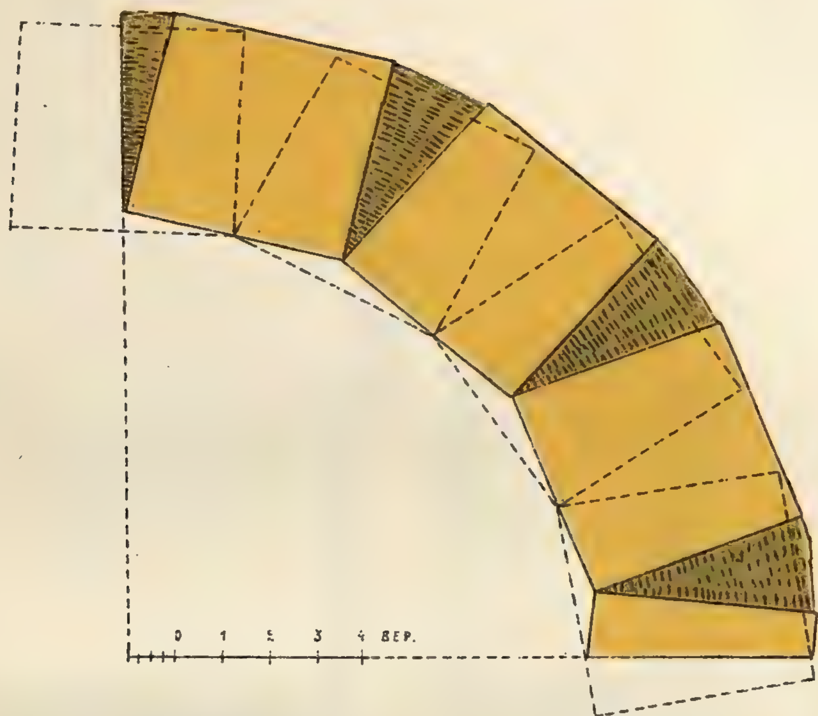
Таб. № 17.

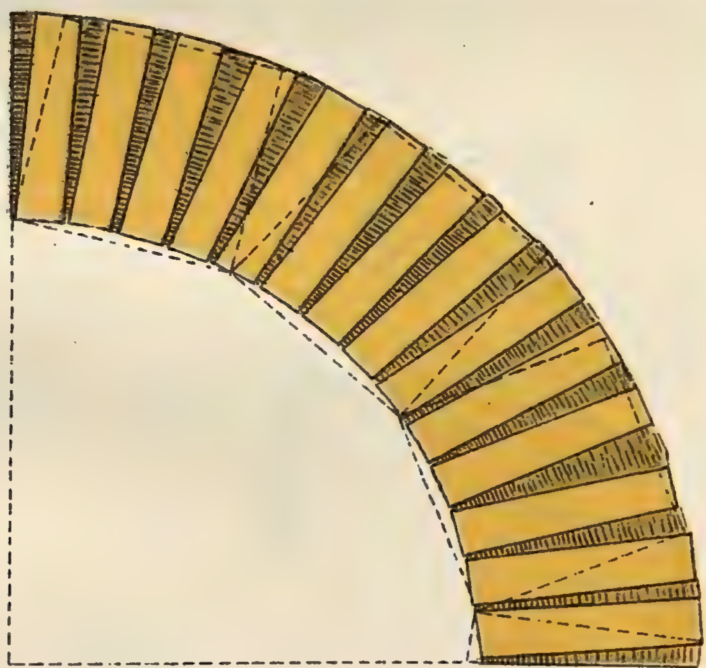
Колодезь (строение № 7).

Таб. № 18.

Кладка стенок колодца.

Таб. № 19.

План саманных строений № 9

района II-го.

Масштаб.

в колодце оказалось много „мамайского кирпича и игрушек“ (т. е. поливных черепков). Диаметр шахты 1 арш. 4 верш., стены сложены из обыкновенного квадратного кирпича, размером $4^3/_4 \times 4^3/_4 \times 1$ верш.; в первом сверху, третьем и следующих рядах кирпичи положены плашмя, по $13^1/_2$ кирпичей в ряду; в 2-ом сверху ряду—56 кирпичей, поставленных на ребро (см. табл. 18).

РАЙОН II.

Группа строений № 9.

Под дюнными песками в $^1/_4$ версты к северу от третьей мельницы (считая с запада) ветром раздуло группу строений из самана (правильнее—сырца), расположенных осью с севера на юг (см. табл. 19). Большее из строений (наиболее восточное), 12 арш. длины и 7 арш. ширины, состояло из двух комнат. Следующее, среднее, 6 арш. длины и 5 ширины, повидимому, сохранило следы входной двери в восточной стене; его отделяла от первого строения ограда в один саман, отстоящая от первого строения на 1 арш., от второго на 7 арш. В 3 арш. от второго, среднего, строения выявилась часть третьего, лишь на 6 арш. (с запада на восток) выступающего из-под холма песка; восточная стена его оказалась 10 арш. длины. С востока и севера от этих 3 строений раздуло толстую ограду (12 верш.), которая явно окружала всю усадьбу; вход в усадьбу оказался с севера. Саманы, составлявшие стены домов и ограды, были обычного типа, квадратные, $6 \times 6 \times 1$ или $5 \times 5 \times 1$ верш. К стенам среднего строения были проложены 4 подходные траншеи; обнаружилось, что сохранились 5 рядов кладки; с востока, перед входом, оказалась площадка глино-земляная, заливная. Внутри дома был обнаружен такой же пол. Никаких следов очага, а также поделок найдено внутри дома не было. Вблизи усадьбы было собрано несколько черепков неполивной золотоордынской керамики из обыкновенной гончарной глины.

РАЙОН III.

Строение № 10.

Строение № 10, построенное из самана (сырца) и глины, частью кирпича, было нельзя обследовать детально, т. к. две трети кургана, содержавшего строение, оказалось срытыми и превращенными в мусорную яму; одна треть, составляющая часть крестьянской усадьбы, оказалась недоступной для работ. Было видно, что в средине кургана, диаметром 37 арш., сохранились остатки круглой, сводчатой громадной печи, сложенной из самана, более 2 арш. вышины; с юга к печи примыкала сплошная масса самана, покрытого глинобитным насыпом; в этой массе была видна уходящая вглубь кургана камера, заполненная золою, 1 арш. высоты и $1^1/_2$ арш. ширины у основания. В печи оказалась в громадном количестве поташная зола.

РАЙОН VII.

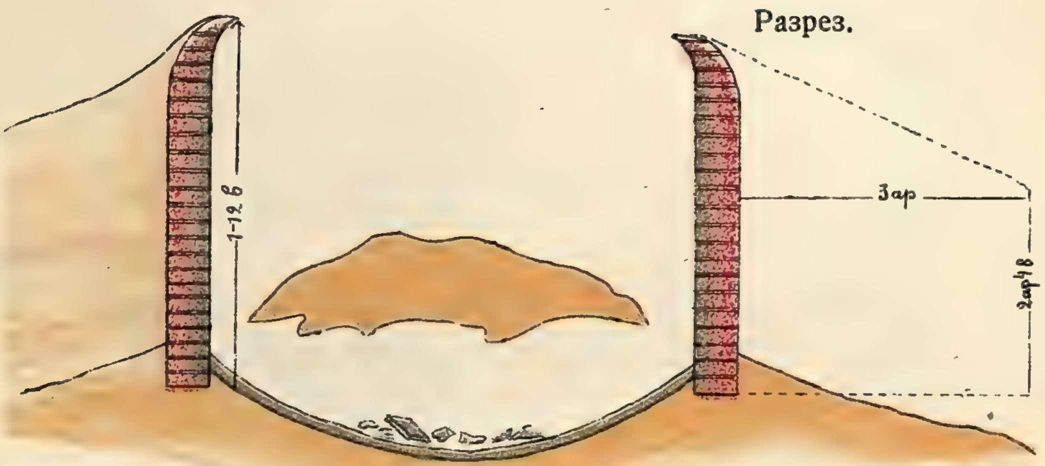
Строения № 6 (горн).

Приблизительно в 2 верстах от села, на северном склоне дюнного холма, ветром частично обнажило 5 горнов из самана (сырца), образующих острый угол с вершиною к востоку, диаметром—первый северный—3 арш., второй, в 9 арш. от первого,—3 арш., третий угольный, восточный, в 4 арш. от второго,—5 арш., четвертый, в 7 арш. от угольного,—$4^1/_2$ арш., наконец, пятый, южный, в 10 арщ. от четвертого,—4 арш.

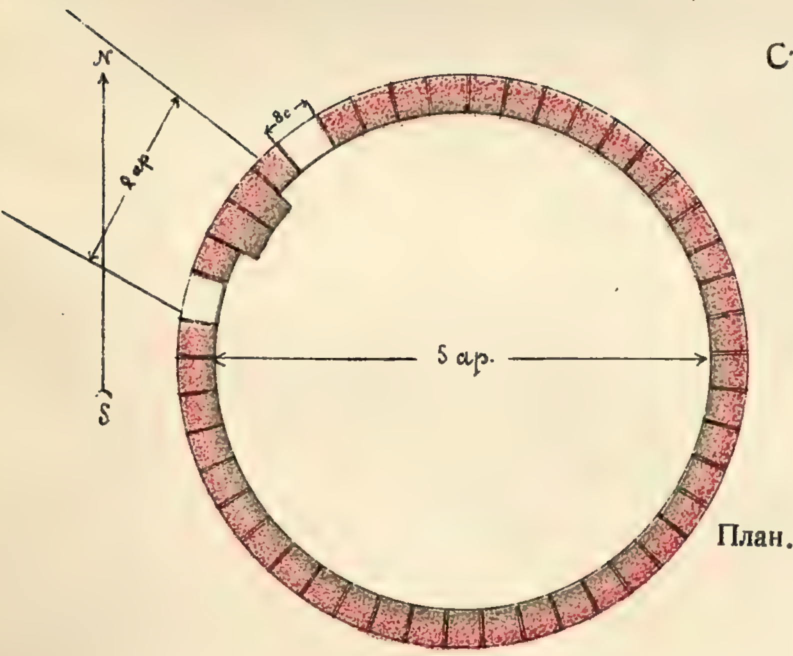
Нами был обследован четвертый горн, который оказался сложенным из саманной лещатки 7 вершк. длины, 2 в. толщины, 5 вершк. ширины на узком конце, 6 в. на широком. Сохранились 22 ряда кладки на глине (см. табл. 20). Горн образует цилиндр с диаметром основания в 5 арш. и высотою 4 арш. 12 вершков; 5 верхних рядов кладки самана, снаружи значительно выветрившиеся, выявляют стремление путем постепенного напуска образовать свод. Над срединою дна горна лежала громадная куча сильно обожженного самана,

Таб. 20.

Разрез.

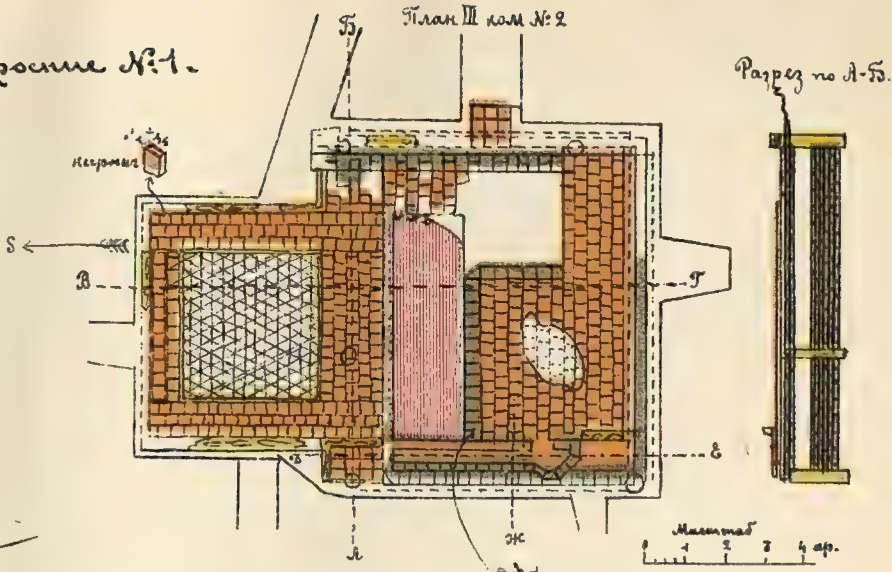
Строение № 6.
(Горн).

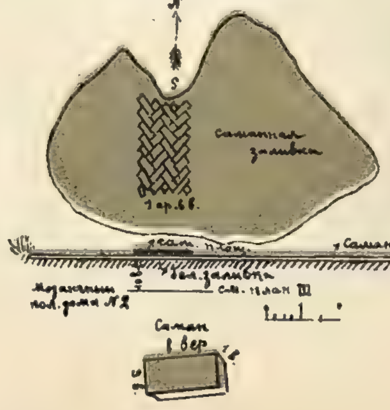

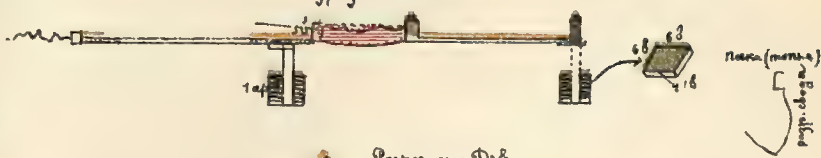
План.

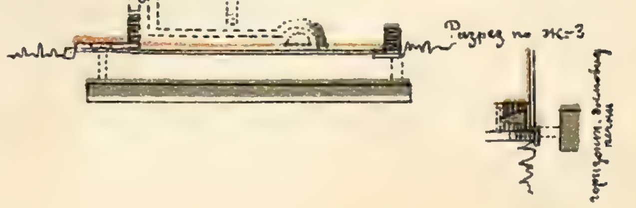
Строение №1.

План I
генеральн. план холма
Масштаб.
0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100 ар.
пески

План III ком №2
Б
S
В
Г
Е
Д
Ж
Масштаб
0 1 2 3 4 ар.

План II и разрез
на глубине 10 вершк. от поверхности
холма и площадки
N
S
Саманная заливка
Поверхность холма
Саман
1 вер.

Разрез по В-Г.
Разрез по Д-Е.

Разрез по А-Б.
Разрез по Ж-З

такой же окраски и твердости, как стены горна: повидимому, груда эта представляла остатки рухнувшего свода и трубы. На глубине 3 арш. 10 вершков, а именно над 4 рядом самана снизу (см. план), внутри горна, в сев.-зап. части цилиндра выдавались из стены на 3 вершка 2 самана (=11 вершков), а по ту и другую сторону от этого выступа оказались в стене отверстия 8 вершков длины и 2 вершков высоты. Стены горна внутри были совершенно черные, покрытые копотью, под копотью черно-фиолетовые, а снаружи красные; окраска самана безусловно являлась результатом сильного огня, разводимого в горне. На дне горна, среди угля и золы (слой в 1 в.) лежал совершенно цельный кирпич (5×5×1 в.) и половинка синего изразца.

Строение № 1.

Приблизительно в 100 саженях от горнов возвышается песчаный холм, напоминающий правильные круглые очертания насыпного кургана (см. табл. 21). На поверхности этого холма кое-где валяются отдельные кусочки поливного кирпича и изразцов; черепков глин. посуды не встречается вовсе. Диаметр холма 92 арш. (окружность 277 арш.). На поверхности холма, в ее юго-восточной части, мы увидели посредине саманной заливки неправильной формы (прибл. 6×9 арш.) площадку (2 ар. 8 в.×1 ар. 6 в.), осью с севера на юг, сложенную из четырех рядов самана (8×3×1 в.), расположенных в две елочки.

Убедившись, что вокруг всей заливной площади, а также площадки, нет никаких стен, мы сняли саманную площадку, обнаружили под нею слой белой заливки, толщиною в 1 верш., а в 10 вершках под этой последней—пол, устланный 6—угольными плитами из известняка и трехугольными изразцами. Пол, оказалось, принадлежал зданию, которое и было нами откопано.

Здание состояло из двух частей—южной, более богато отделанной, и северной, более скромной. Южная часть, 5 ар. 14 в. ширины и 8 арш. 7 в. длины, состояла из выступа к

югу с полом из 36 шестиконечных звезд (3 арш. 15 в.×3 арш. 15 в.), окруженных кирпичной дорожкой (к югу в 2 кирпича, к востоку и западу в 3 кирпича и к северу в 5 кирпичей—$4^3/_4 \times 4^3/_4 \times 1$ в.). Шестиугольные плиты и изразцовые треугольники, составлявшие звезды [1]), и кирпичи дорожек, оказались: первые—уложенными в цементную заливку, вторые—скрепленными тою же массою. Красивые белые швы резко выделялись между ярко-красными кирпичами. К северу от пола, на 5 вершков выше уровня его, возвышалась площадка, с юга обмазанная цементом, оштукатуренная тонким слоем гипса и выкрашенная в темнокрасный цвет. Сверху площадка, повидимому, была устлана кирпичем или изразцами, от которых однако сохранились лишь отдельные куски; сама площадка являлась насыпной из темной земли. В эту более богато отделанную половину строения вели двери с востока, повидимому двойные; сохранились части деревянного порога 1 арш. 8 в. длины и 3 вер. ширины. С запада к северной кирпичной части пола и к возвышению примыкал кирпичный же, частью саманный, пол корридора (сперва $1^1/_2$ арш., потом 3 арш. ширины), имеющего особую входную дверь с запада и ведущего в другую половину дома, в жилую комнату, 4 арш.×4 арш., отделенную от остальных помещений стеной из самана (5×5 ×1 в.). К востоку от пола жилой комнаты и возвышения в другой половине дома (за саманною стеною) оказалась устроенной площадка $5^1/_2$ арш. длины и 14 вершков ширины; на этой площадке была построена горизонтальная печь, 4 арш. длины, со сводчатою топкою и топочным отверстием 8 вершков ширины. Горизонтальный дымоход, $5^1/_2$ в. ширины и $8^1/_2$ в. вышины, как и вся печка, оказался сложенным из самана; он выходил в вертикальную трубу около восточного входа в дом. Стены дома были из еловых бревен и лишь восточная и северная в частях, примыкающих к жилой

[1]) Сравн. „Четырехлет. Арх. поиски в разв. Сарая"—Терещенко, изд. Григорьева, стр. 7: повидимому подобный же пол был откопан в Цареве.

комнате, оказались сложенными из самана (5×5×1 в.). Пол жилой комнаты кирпичный. В печке было найдено незначительное количество бараньих костей, несколько белых изразцов и черепков простой керамики из обыкновенной гончарной глины. В сохранившейся части вертикального дымохода лежали куски гончарной дымоходной трубы и синий изразец с кусочком кожи, к нему прилипшим. На полу жилой комнаты был найден гвоздь и черепок с остатками ярко-красной краски; среди мусора и щебня было обнаружено несколько голубых и белых изразцов. Вообще щебень и строительный мусор покрывали только жилую комнату и возвышение в другой; над узорчатым полом лежал чистый дюнный песок; казалось, что наблюдается какое-то особо бережное отношение к богатой части строения, даже после его разрушения, в частности выразившееся в удалении щебня и устроении саманной площадки. Под всем строением был обнаружен заливной саманно-земляной ватерпасный слой в 1 вершок толщиной.

Т. к. строение построено на песчаном дюнном холме, то золотоордынский зодчий предварительно решил укрепить пески холма; с этою целью оказалась вырытой траншея, 1 арш. 12 в. глубины и 1 арш. ширины, как раз под наружными стенами жилой половины дома и пятикирпичной дорожкой пола парадной половины. В траншее была сложена саманная стена из 8 рядов кладки по два самана (6×6×1 в.) в ряду и с засыпкой между ними; стена держала 7 еловых бревен 1 арш. 10 в. длины и 3 вершков толщины. На уровне верхушек этих бревен была сложена саманная дорожка в 2 ряда кладки из саманов, по очереди, 10 в. длины и 5 в. ширины, или 2 саманов, 5×5 в. (при толщине в том и другом случае в 1 верш.).

РАЙОН V.

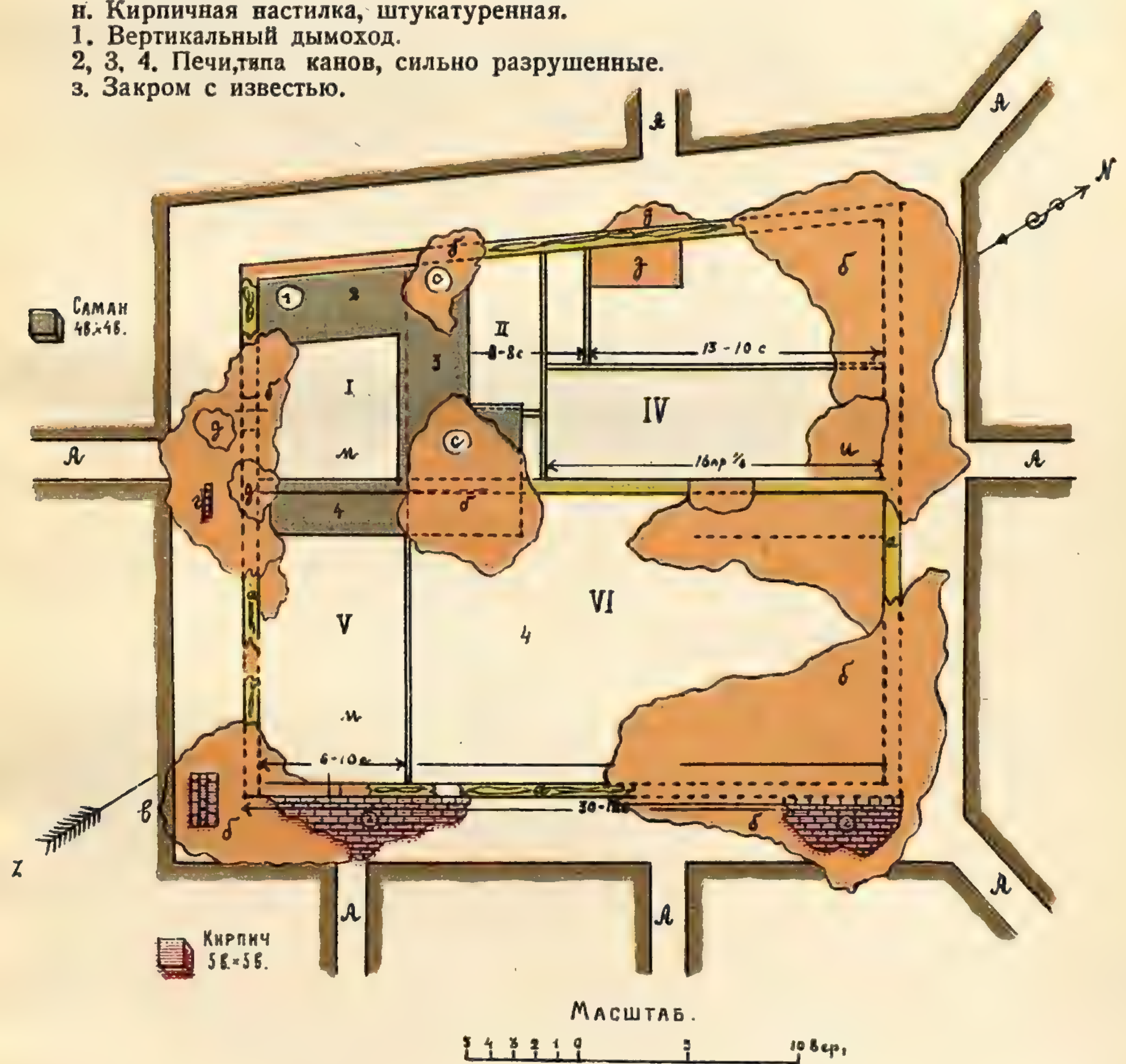
Строение № 2.

В районе V, севернее прудов, явственно выступают контуры широкой улицы, идущей с запада на восток; к севе-

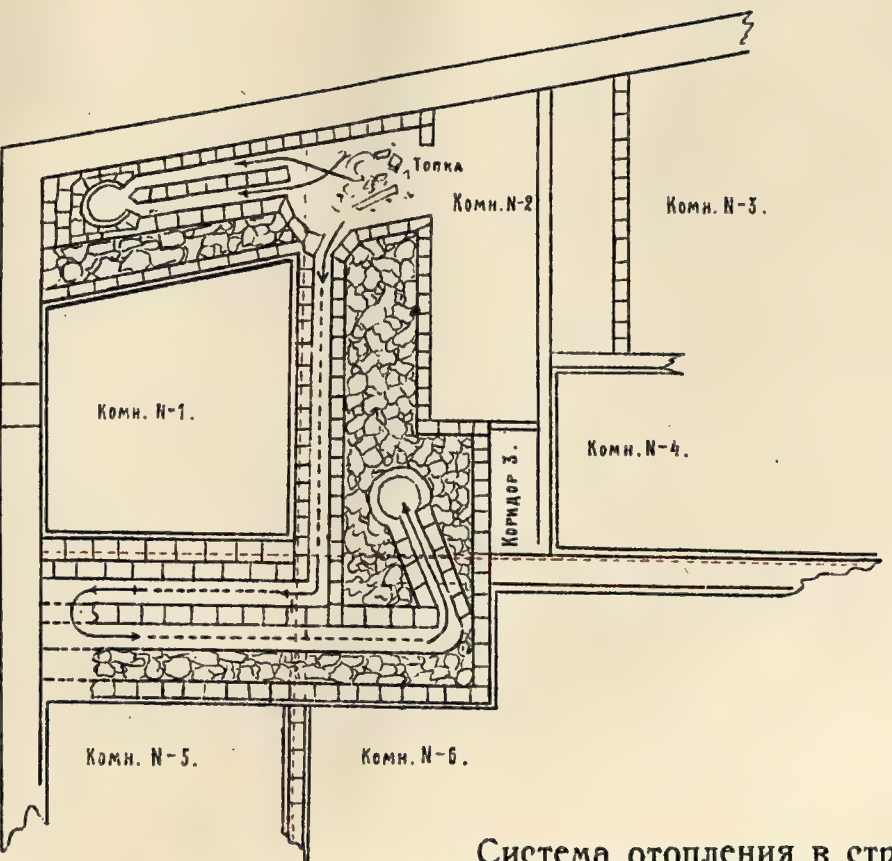
ру от этой улицы выделялся большой бугор 63 аршина длины, 49 арш. ширины, и до 2 арш. вышины; напротив—заметны следы горна, судя по значительному количеству шлаков. Этот бугор было решено обследовать, т. к. предполагалось, что он содержит одну из мастерских V района, и с этой целью были проложены 4 подходных траншеи. Траншеи вскоре обнаружили большое здание, деревянные (дубовые) стены которого истлели, частью, повидимому, сгорели. Очищенное из-под трехаршинного слоя мусора и щебня, здание, в плане в виде трапеции, со стенами юго-востоко-восточной и северо-западо-западной в 30 арш. 8 в., юго-западо-южной—в 26 арш. 5 в., северно-северо-восточной—в 28 арш. 11 в.,—дало 6 комнат (см. табл. 22). Комната I (10 арш. длины и 6 арш. 10 в. ширины) с отдельным входом, с юго-юго-запада, имела около северо-западо-западной стены лежанку (3 арш. 8 в. ширины и 6 арш. 10 в. длины и 12 в. высоты), оказавшуюся горизонтальною печью, „каном", с двумя горизонтальными дымоходами, сложенною из самана и с топкою из соседней комнаты II. Пол комнаты заливной саманно-земляной, стены оштукатурены и выкрашены в серый цвет. В западном углу комнаты поднимался вертикальный дымоход, в плане снаружи четырехугольный, внутри круглый, диаметром в 1 арш., с чугунною задвижкою у основания, совершенно проржавевшею. На полу комнаты было найдено много черепков простой и поливной керамики—цельный бутылковидный сосуд. Комната II, 8 аршин 10 вершков ширины и 12 аршин 8 вершков длины, с топкою в западном углу (до 3 арш. 8 в. глубины и 2 арш. 5 в. ширины), значительно разрушенною, также была снабжена „каном", 12 вершков высоты; сохранилась часть кана 6 арш. длины и 3 ар. 8 в. ширины из самана, но с кирпичным настилом, с горизонтальным дымоходом около саманной перегородки, отделяющей комнату II от комнаты I. В южном углу комнаты II кан расширялся до 5 арш. 8 вершков, здесь поднимался вертикальный дымоход, почти вовсе разрушенный, как и весь выступ кана; однако сохранилось достаточно следов

Строение № 2.

А. Подходные траншеи.
а. Следы бревенчатой дерев. стены.
б. Места где здание разрушено до основания.
в. Основание кирпичного столба вне здания.
г. Остатки внешней кирпичной площадки.
д. Место скопления штукатурки с фресками.
с. Остатки разрушенной топки.
и. Склад небывших в деле мозаичных фигурных выпилок.
л. Деревянные брусы в полу.
м. Земляной, залитой саманом пол.
н. Кирпичная настилка, штукатуренная.
1. Вертикальный дымоход.
2, 3, 4. Печи, типа канов, сильно разрушенные.
з. Закром с известью.

Таб. № 23.

Система отопления в строении № 2.

вертикального и горизонтальных ходов, чтобы установить, что дымоход вертикальный с упомянутым ходом горизонтальным (т. е. с ходом около перегородки между комнатами I и II) соединен непосредственно не был: в него выходил другой горизонтальный дымоход, проходящий через кан комнаты VI, далее кан комнаты V и только таким образом соединенный с дымоходом кана комнаты II (см: табл. 23). В топке разрушенной части кана лежала глиняная сильно обгоревшая продувная трубка. Пол комнаты II был устлан квадратным кирпичем (5×5 в.) и залит цементом. В полу комнаты сохранились следы деревянного бруса: казалось, что около саманной перегородки, отделяющей комнату II от комнаты III, могли быть устроены деревянные нары. Вблизи кана лежало несколько фрагментов алебастровых карнизов и разных плиток, а вообще в этой комнате было найдено большое количество черепков простой и поливной посуды изразцов, а также каменных котлов. Комнату II соединял с комнатой VI узкий корридорообразный выступ, 20 вершков ширины и 3 аршина 8 верш. длины, между выступом кана и деревянной переборкой, отделяющей комнату II от комнаты IV. Выступ этот имел пол, залитый цементом. Комната III (3 арш. 8 в. ширины и 13 арш. 10 в. длины), северный угол которой был совершенно разрушен, имела саманно-земляной заливной пол; в закроме в ее западном углу оказалось около 2½ кубич. аршин извести. Деревянная переборка, следы которой сохранились в полу, отделяла ее от комнаты IV (5 арш. шир., 16 арш. 4 в. длины), с полом кирпичным, залитым цементом. В восточном углу комнаты сохранилась груда (около 1 куб. арш.) изразцовых выпилок, приготовленных для мозаичных узоров, но не бывших в употреблении. Вблизи лежало несколько костей, бараньих и лошадиных, и челюсть коровы. Посредине комнаты, на полу, лежала сильно поржавевшая железная стрела. Комнату IV (а равно и II) отделяла от комнаты VI бревенчатая стена, судя по сохранившемуся сильно истлевшемуся нижнему дубовому бревну, до 7-8 вершков толщины. Комната VI (22 арш. 6 в. длины

и 14 арш. 8 в. ширины) имела кирпичный, залитый цементом пол. Почти вся северо-восточная часть комнаты оказалась совершенно разрушенной. В северном углу, повидимому, был кан, с топкой из комнаты IV (прибл. в 6 аршинах от северо-северо-восточной наружной стены). Кан (2 арш. 8 в. ×5 арш. 8 в.) занимал и западный угол комнаты, как об этом уже говорилось. На полу, вблизи этого, второго кана, была найдена костяная палочка, украшенная кружковым орнаментом, и совершенно цельный изразец с богатыми растительными мотивами, повидимому, служивший для облицовки кана (табл. 24); вблизи южного угла—медный наперсток и свинцовая гирька для отвеса. Среди строительного мусора, заполнявшего комнату, было отыскано несколько изразцовых синих многоугольников с орнаментом в виде звезд, пяти—и шестиконечных, кистевых, после обжига. Дверь (1 арш. 8 в. ширины), пробитая в саманной перегородке (3 в. ширины), соединяла комнату VI с комнатой V. Комната V (14 арш. 8 в. длины и 6 арш. 10 в. ширины) имела саманно-земляной заливной пол; о саманном кане (6 арш. 10 в.×2 арш. 8 в.) этой комнаты уже говорилось; он был залит белым цементом; в белый цвет была выкрашена и саманная, оштукатуренная перегородка над каном, между комнатами V и I. Вход снаружи, повидимому, был в юго-востоко-восточной стене. На полу комнаты V и в строительном мусоре над ним были найдены алебастровые резные плитки, изразцы, (в том числе белые с позолотой), два глиняных шарика, замочек; два колечка, малахитовый черенок ножика, кусочки стекла, одноцветного и узорчатого, и большое количество черепков простой и поливной посуды и селадона. В комнате II и V было найдено также несколько монет, а именно: 14 монет времени Узбека, чеканенных между 1320 и 1337 годами, и одна монета времени Джанибека (1352). Снаружи дома, вдоль всей юго-юго-западной стены, повидимому, был устроен навес, естественно, совершенно разрушенный: около южного угла дома сохранились нижние ряды кладок (т. е. фундамент) для громадного кирпичного столба

Фрагменты изразцов из строения № 2.

Фрагмент росписи из здания № 2.

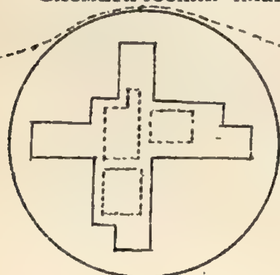
Фрагмент росписи из здания № 2.

Таб. № 27.

Группа строений № 3, 4, 5.

Линия весеннего разлива Ахтубы.

План 1.
Схематический план раскопанного бугра.

0 1 2 3 4 м

Масштаб.

N

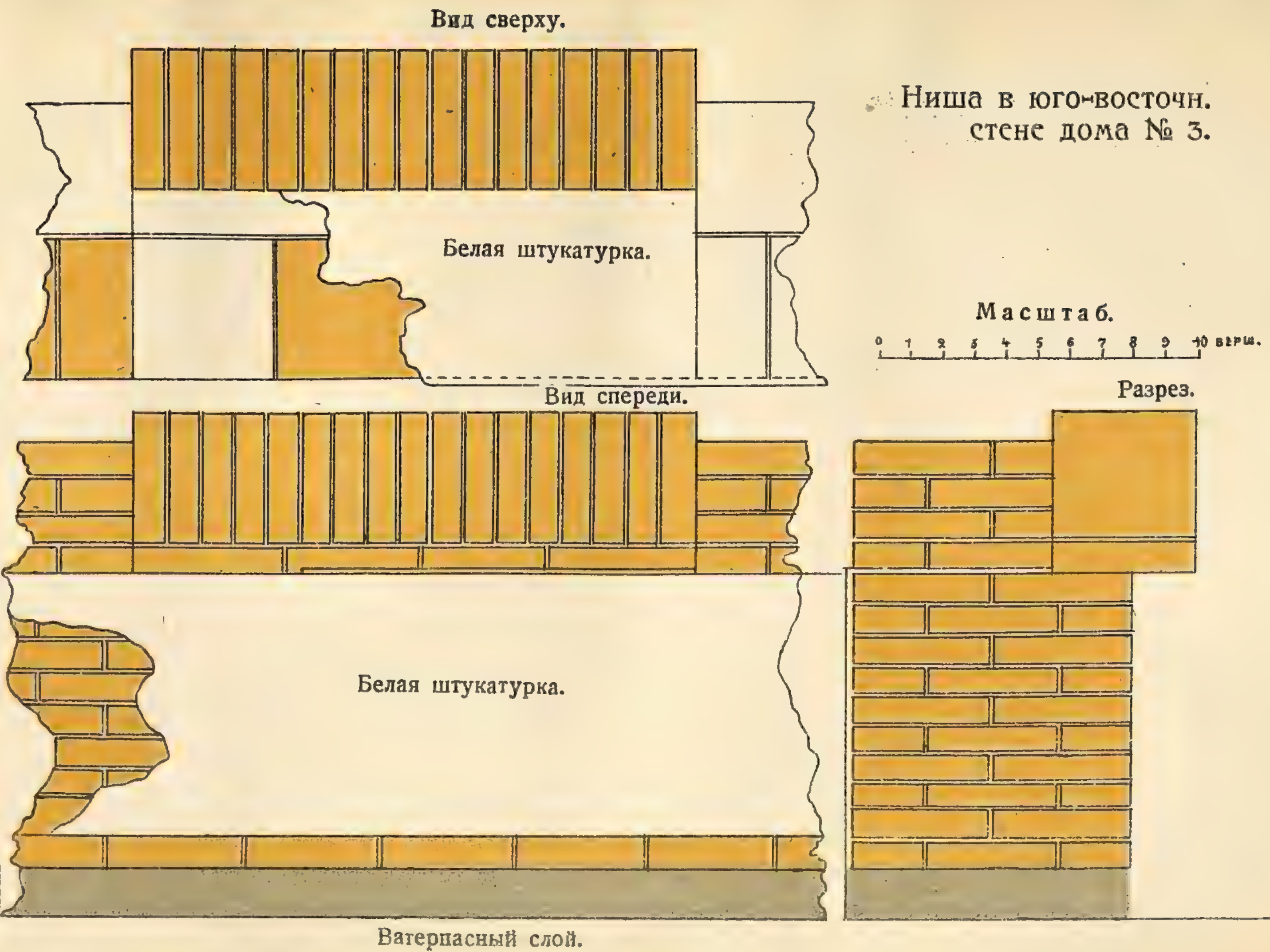
(в плане—2×2 арш.), напротив перегородки между комнатами I и II несколько рядов кладок для стены, доходившей до заливного ватерпасного слоя под домом. Терраса под навесом могла быть около 2 арш. 8 в. ширины. В пользу существования навеса говорит и то обстоятельство, что вне дома, но около самой стены его было найдено значительное количество кусочков отбитой штукатурки, расписанной по белому фону клеевыми красками (см. табл. 25), синею, красною, желтою и черною, а также золотом, частью геометрическими, частью растительными мотивами (см. табл. 26). Если живопись была на наружной стене дома, то над ней, конечно, должен был быть устроен навес. Около юго-западо-западной стены дома тоже сохранились следы пола на искусственной насыпи, значительно (12 верш.) выше пола дома и уровня пола времени существования города; думается, что здесь могла быть устроена терраса, подобно уже упомянутой.

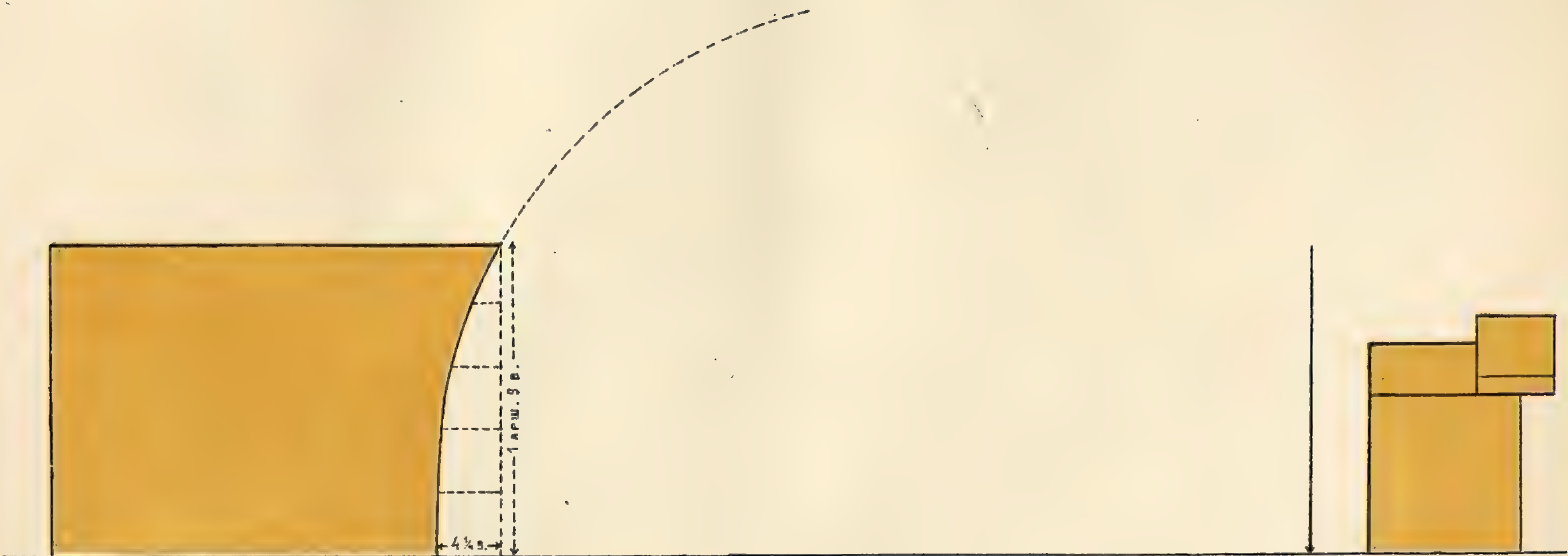
Группа строений № 3, 4, и 5.

На высоком приахтубинском берегу заметно выделяются несколько холмов, один из которых (диаметром 36 ½ арш. и высотою 2 арш. 12 в.), ближний к Кучугурам, был нами раскопан (см. табл. 27). Вершина холма представляла плоскую гладкую поверхность без ямин или видимых следов щебня, а именно круг, диаметром в 12 ½ арш.: казалось, что холм содержит круглое башнеобразное сооружение. Отсутствие шлаков не позволяло предполагать горн. Были проложены 4 подходных траншеи, из которых южная и восточная привели нас к стенам строения № 3, западная к строению № 4, северная к строению № 5. Все строения лежали осью с северо-северо-востока к юго-юго-западу.

Пол строения № 3 оказался лежащим на 10 вершков ниже уровня поля к северу от бугра. Стены строения, сложенные в 2 кирпича (4 ¾×4 ¾×1 в.) и сохранившие 14 рядов кладки, имели 10 в. толщины; все здание достигало 7 арш. 10 в. длины и 5 арш. ширины. В юго-востоко-восточной стене дома, посредине ее, в 2 арш. 11 в. от северной

стены, оказалась устроенной нишеобразная скамья (20 в. длины, 7 в. глубины и 10 в. высоты) со стенкой из 13 кирпичей, поставленных на ребро (см. табл. 28). Напротив скамьи, в 2 арш. 5 в. от угла здания, стена выступообразно (12 в.× 3 арш. 6 в.) расширяясь, сохранилась лучше, выше (всего в 1 арш. 9 верш.) и образовала по направлению к средине здания свод, надвигающийся над полом на 4 $^1/_4$ в., далее обрушенный (см. табл. 29). Рядом с этим выступом, к юго-юго-западу от него, между ним и углом здания была устроена дверь (шир. 1 арш. 5 в.) с трехвершковым деревянным порогом снаружи строения. К юго-юго-западной стене строения примыкал кирпичный же выступ (сохранились 3 ряда кладки), 2 арш. 14 в. длины и 1 арш. 12 в. ширины. Пол строения, выложенный кирпичем, и порог были залиты цементом; белым цементом же были оштукатурены и стены, и скамья. Под полом и вообще всем строением глиняный ватерпасный слой был 3 вершков толщины. Среди строительного мусора, заполнявшего строение, было найдено большое количество голубых поливных кирпичей разной величины, несколько голубых изразцов с тонким кистевым орнаментом в виде листьев аканфа, нанесенным поверх поливы после обжига, кусок мозаики из таких же голубых и белых изразцов, клавиш (?) от музыкального инструмента, половинка перстня из позолоченной меди и 5 монет: 3 времен Узбека (1332—34 г.г.), 2 времени Джанибека (1352 г.). Около северного угла дома в строительном мусоре лежал костяк взрослого человека как бы небрежно брошенного сюда головою на юг; вблизи лежала медная золотоордынская серьга. Найдено было несколько черепков посуды поливной и без поливы. В общем казалось, что строительный мусор, содержавший большое количество кирпича, содержит остатки (поливные кирпичи) более богато отделанного второго этажа этого строения, возвышавшегося над откопанным нами подвалом и разрушенного во время одной из бурь, пронесшихся над древним городом.

Вид сверху.
Ниша в юго-восточн. стене дома № 3.
Белая штукатурка.
Масштаб.
0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 верш.
Вид спереди.
Разрез.
Белая штукатурка.
Ватерпасный слой.

Разрез дома № 3.

В 2 аршинах от строения № 3, на 8 вершков выше его порога, лежала сохранившаяся часть юго-востоко-восточной стены строения № 4 (6 арш. 5 в. длины, 9½ в. ширины) сложенная на глине из кирпичного лома. Остальные стены строения (пл. 6 арш. 1 в.×7 арш. 8 в.,) деревянные, сохранились лишь плохо, местами. Стена 3 арш. 10 в. длины, сложенная из кирпича (5×5 в.) разделяла строение № 4 на две половины. Одним концом эта стена (сохранилось 10 рядов кладки) упиралась в кан (2 арш. 12 в. длины, 1 арш. 1 в. ширины, 12 в. вышины) из самана (3×3×1 в.) на кирпичной площадке и сверху устланный кирпичем, с двумя горизонтальными дымоходами (4 вершка ширины каждый) [1]); следов вертикального дымохода не сохранилось вовсе. Пол комнаты был глино-земляной заливной. При обследовании его мы обнаружили непосредственно под ним истлевшие два детских костяка, лежавших с севера на юг, а рядом с внутр. кирпичной перегородкой—костяк взрослого человека без левой руки и ноги, лежавший с запада на восток, с приподнятой правой ногой и рукой! [2]). На 14 вершков выше над уровнем пола этого строения сохранилась стена другого позднейшего строения, сооруженного из самана и за исключением этой стены вовсе разрушенного. Входные двери (около 1 арш. 3 в. ширины) были, повидимому, в восточному углу строения № 4.

Строение № 5 лежало на одном уровне со строением № 4. Также оно имело 3 стены деревянные и одну северо-северо-западную (6 верш. толщины) из кирпичного лома на глине. Пол строения (7 арш. 6 в.×6 арш. 7 в.) был заливной, глино-земляной (3 верш. толщины); саманная перегородка (из самана в 3×2×1 в., сохранилось 10 рядов кладки), образуя ломаную линию, разделяла строение как бы

---

[1]) Сравн. Спицын. Отчет 1893 г., стр. 88:—„расположена топка, состоящая из двух рядов узких проходов дыма, в которых всегда следы сажи“.

[2]) Сравн. Терещенко-Григорьев, стр. 11:—„остовы находили не редко даже под полом зданий и около стен жилья“ (в Цареве).

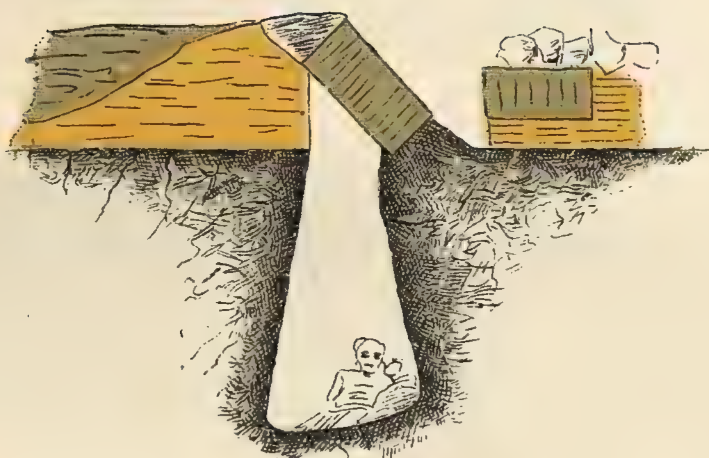
на три части: коридор и две комнаты. Обе комнаты согревались саманным каном (с одним горизонтальным дымоходом) около северно-северо-западной стены (4 арш. 9 в. длины, 12 в. ширины, в южной комнате 1 арш. ширины, в северной 10 в. ширины). Топка на широком конце кана сохранилась превосходно; сохранились также следы вертикального дымохода на другом конце (внутри 9 в. диаметром). Около широкой половины кана была устроена приступка из битого кирпича. Рядом, под полом, оказалась потайная камера 2 арш. 10 в. длины, на верху 5 в., а на дне 11 в. ширины, заложенная громадными саманами ($9 \times 4^1/_2 \times 1$ в.), всего 22 шт., поставленными наискось, на угол. Думаю, что костяк, который мы обнаружили в этом хранилище (см. табл. 30), принадлежал покойнику, положенному сюда позднее, когда дом был брошен; костяк лежал с запада на восток (таково направление и хранилища), с руками вдоль туловища, и достигал 2 арш. 6 в. длины. На груди костяка лежала монета конца XIV столетия (такая же была найдена в топке кана, среди угля и золы). В топке было найдена несколько черепков простой керамики, кости птицы и травоядных животных; черепки поливные, найденные выше пола строения № 5 (также № 4) производили впечатление заносных.

В общем казалось, что первоначально существовало лишь строение № 3, что потом, когда это последнее было разрушено, возникли строения № 4 и 5, причем частью в качестве строительного материала для них был использован кирпич от строения № 3. Позднее были разрушены также строения № 4 и 5, и возникло новое саманное строение, ныне не поддающееся изучению, т. к. сохранилась лишь одна стена. Строение № 3, если верить монетам, повидимому, разрушено в конце XIV столетия, строения № 4 и 5—в начале XV столетия. Строение, от которого сохранилась одна стена, могло быть построено, судя по слою щебня и строительного мусора под ним, лишь после „каменной ломки“ на территории городища (т. е. в XVII столетия или даже позднее.)

Таб. № 30.

Потайная камера

строения № 5.

Разрез хранилища.

Вблизи описанных строений, на обрыве приахтубинского склона холма был найден в почти вовсе истлевшем шелковом мешочке (?) клад в 132 серебр. монеты конца XIV и первой половины XV столетия, Сарайского и Хаджи-Тарханского чекана; среди монет оказалась одна, чеканенная в „Великой Орде“ (Урду Эль-Азам, сравн. „Большая Орда“ русских летописей) ханом Джелаль-Эддином (начало XV ст.).

РАЙОН IV.

К сожалению в „Отчете“ об археологических работах в районе с. Селитренного А. А. Спицына [1]) нет точных указаний, где именно на площади городища были обследованы им „жилые здания“. А. А. Спицын пишет: „Жилые здания (Селитренного—Старого Сарая) вообще не велики: они имеют не более 4 арш. ширины и длины. Дверь с западной стороны, в левом углу, а не посредине. Пол кирпичный, иногда подбеленный. Печка в правом углу, низкая с глиняною трубою. Окон в стенах не заметно, но все же небольшие волоковые окошки встречаются. Стены кирпичные, иногда сырцовые, сложенные попеременно из целого и половинчатого кирпича“. Повидимому, речь идет о районе IV (не включая „Богатый бугор“): приезд Спицына остался в памяти крестьян, которые и рассказывают о раскопках в районе самого села и „Кучугур“. Да и бугры на низине между селом и первым кряжем („Кучугурами“), к западу от села, в большинстве менее значительны и действительно могут дать небольшие строения. Тем не менее я не решился бы утверждать, что в районе IV не могут быть откопаны дома более внушительных размеров, или хотя бы типа тех, которые откопаны нами. Но как бы то не было, авторитетное заявление А. А. Спицына должно служить дополнением к нашим изысканиям, и—если оно действительно характеризует дома района IV (или I)—то заполняет из‘ян в наших работах, а именно, отсутствие разведки в упомянутых районах (I и IV), и во-

[1]) 1893 г., стр. 85.

обще, повидимому, дает описание более древних строений в более древних частях города.

* *
*

Таким образом, кольцо наших разведок, замыкаясь работами А. А. Спицына, коснулось всех тех частей города, где более детальное изучение бугров было необходимо для подтверждения наблюдений на основании изучения бугров и находок на поверхности городища.

Имея центр в районе села, город сперва стал расширяться по направлению к Кучугурам, потом при Узбеке значительно разросся, украсился богатыми строениями и стал городом промышленным по преимуществу; строение № 2 —безусловно мастерская; строение № 6—горн для обжигания изразцов, судя по аналогии с Укеком и найденному на дне горна изразцу; заводы установлены вообще в районе III, и голубые изразцы с тонким золотым рисунком найдены в богатым строении № 3. Стенопись и изразцы строения № 2 свидетельствуют о совершенно исключительном под'еме художественной промышленности при Узбеке, датировка которым значительной части строений, благодаря монетным находкам, не может быть отвергнута. Хочется верить, что также строение № 1 относится к этому же времени; повидимому, перед нами теккие на холме, который содержит какую-то национальную святыню. Упадок при Джанибеке и новое возрождение города потом, существование его после разрушений Тамерлана, мне кажется, также вполне подтверждается и монетными находками в строениях № 2, 3, 4 и 5, и, особенно последнее, т. е. существование после Тамерлана, —строениями № 4 и 5, частично построенными из материала, взятого из строения № 3. Вообще же откопанные нами памятники архитектуры еще раз подтверждают, как технически хорошо оборудованы и благоустроены были жилые дома золотоордынского города; прекрасные полы и любопытная система отопления свидетельствуют о чистоте, тепле и уюте.

Какой дивный вид должны были иметь дома и дворцы, облицованные изразцами и расписанные пестрыми узорами по оштукатуренным стенам; нужно поражаться странными разсказами недавнего прошлого о золотоордынской культуре: как мог д. член Военно-Исторического О-ва Нечволодов в своих „Сказаниях о русской земле“ [1]) преподнести народу басни об „астраханских мечетях, сооруженных из черепов новгородских ушкуйников“?! Правильное освещение золотоордынской культуры и обследования сохранившихся памятников золотоордынского зодчества—есть долг науки, притом насущный и срочный.

Раскопки на древних золотоордынских городищах могут дать и ценные памятники искусства (изразцы, стенопись) и образцы инженерного искусства (укрепления дюн), принадлежащие народу, чья культура мало известна и явно направильно освещалась.

ИТОГИ.

Итак, обследованы два золотоордынских городища: дают-ли разультаты произведенных работ ответ на вопрос о „Старом“ и „Новом Сарае“?—Мне думается—да.

Мы видели, как превосходно согласуются летописные сведения о Сарае Узбека и его ближайших преемников с теми данными, которые выявляет изучение царевских развалин. 86% монет новосарайского чекана как нельзя лучше подтверждают идентификацию развалин с „Новым Сараем“, который—если и стал столицею З. Орды при Узбеке, то все же, возможно, существовал и ранее, основанный Берке.

Развалины Селитренские—вовсе не исключительно некрополь, как полагал Григорьев; это—громадный город, ядро которого существовало еще до татар. Нет данных, которые противоречили бы руководящей роли этого города со времени Батыя и до Узбека. Если не найдены монеты Батыя и Берке,

[1]) СПБ., 1911, стр. 337.

то все же собрано несколько монет еще более древних, и центр города застроен: здесь собирать монеты более не приходится.

А самое главное, 52% монет „сарайского“ чекана, т. е. старо-сарайского, позволяют видеть в развалинах Селитренских, развалины древней, первой столицы З. Орды, Сарая („Старого Сарая“), который—при Узбеке замененный „Новым Сараем“ и при Джанибеке переживший невеселую годину,—к концу XIV века стал вновь играть видную роль [1]) и по справедливости мог быть назван „Большими Сараями“.

Сарай с. Селитренного, явно,—крупнейший культурный центр З. Орды, заводы и мастерские которого поистине могли снабжать все государство всем, что было нужно народу, решившему сбросить с себя облик дикаря и варвара.

Сложная система орошения Нового Сарая и заводы и мастерские Старого Сарая заставляют смотреть на золотоордынскую культуру и золотоордынские города совершенно иначе, чем это делалось ранее. Обе столицы З. Орды были безусловно благоустроены и являлись значительными культурными очагами.

[1]) Нами найдено более 100 монет сарайского чекана времени Тохтамыша.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

6

